

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
КЛУБ

АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ

ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИАЛ

Андрей Юрьевич Ерпылев

Золотой империал

Серия «Зазеркальная империя», книга 2

Текст предоставлен издательством «Армада»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118940

Ерпылев А.Ю. Золотой империал: Фантастический роман: АРМАДА:

«Издательство Альфа-книга»; М.; 2004

ISBN 5-93556-368-1

Аннотация

Удивительная золотая монета, без сомнения царской чеканки, попадает к капитану милиции Александрову. Все вроде бы на месте: и двуглавый орел с регалиями, и подпись, да только Николай II на себя не похож, и год на монете... 1994-й! Что это, подделка или... Поверить в то, что в руках у него монета из иного мира, капитану помогает... жандармский ротмистр Чебриков, попавший в кажущийся ему диким «государство рабочих и крестьян» вслед за опасным преступником, которого он пытается обезвредить.

Но как найти обратную дорогу, как преодолеть границу между мирами, порой призрачную, а иногда совершенно непроходимую.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	28
3	44
4	64
5	74
6	87
7	101
8	115
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Андрей ЕРПЫЛЕВ

ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИАЛ

Часть первая

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ...

1

– Лежать! Руки за голову! Ноги врозь! Шире! Лежать, с..., я сказал!..

Ну омовцы, как и всегда, сработали четко. Вот что значит профессионалы. Две обнаженные мужские фигуры распластались на грязном полу небольшой прокуренной комнаты. Бандюки, по всему видно, попались бывалые – даже не пытаются сопротивляться, лежат смирно, заложив сцепленные руки за голову и как можно шире расставив ноги (хотя, что там можно спрятать – в чем мать родила оба!). Рослые парни в серо-пятнистых комбинезонах и черных, носящих в молодежной среде весьма уничижительное название шапочках-масках на головах застыли над ними, уткнув автоматные стволы в голые спины. У дальней стены, на разворошенной тахте тихо воет, зажав рот руками, растрепанная

молодая женщина, тоже, кстати, неглиже.

Так, теперь наша очередь.

Александров выходит из-за обтянутой камуфляжем шкафообразной спины вперед, протягивая куда-то в пространство раскрытую всемогущую книжицу:

– Старший оперуполномоченный капитан Александров, отдел по борьбе с организованной преступностью Хоревского УВД. Кто хозяин квартиры?..

«Господи, сколько же этой дряни развелось в стране? Опять молодняк, лет восемнадцать—двадцать, – пронеслось в голове капитана. – Сопляки совсем!»

Жилище постепенно заполняется народом. Предстоит привычная кропотливая работа.

Ребята из ОМОНа, споро защелкнув на запястьях задержанных браслеты наручников, рывком ставят обоих на ноги. Хоть обыскивать, слава богу, не нужно: куда ж они голые спрячут оружие? Парни, потупившись, стоят у стены. Даже срам прикрыть нечем: руки-то скованы за спиной.

– Прикройте их чем-нибудь, – сжалившись, говорит Александров. – Лукиченко, хоть штаны бы им помог надеть, что ли.

– Да зачем, товарищ капитан? – хохочет лейтенант Лукиченко. – Давайте стриптиз устроим! Вот и б...у эту сейчас туда же поставим и...

Омоновцы, как и все остальные в комнате, исключая, естественно, задержанных, заходятся от смеха. Видимо, ска-

зывается спадающее напряжение. Да, в этот раз обошлось без стрельбы, а ведь в последнее время частенько кроме задержанных увозили и трупы. Однако зрелище-то и впрямь довольно комичное... Капитан тоже криво усмехается, но тут же одергивает себя и других:

– Прекратить смех – не в цирке. Лукиченко, ты понятых привел?

– Да вон же они стоят, Николай Ильич.

И верно, в крохотной прихожей загаженной донельзя хрущобы жметса, видимо спешно вытряхнутая из нагретой постели, пожилая чета, муж с женой, конечно. Старик тем не менее успел нацепить поверх полосатой, как у узника Синг-Синга, застиранной пижамы пиджак с многочисленными орденскими планками. Спит он в нем, что ли? Чувствуется сноровка. Старая школа, сталинская еще...

– Ну и ладушки. Лукиченко, ты начинай обыск, а хозяйку – ко мне, на кухню. ОМОН может быть свободен...

В дверях на кухню капитан Александров оборачивается:

– Лукиченко, ты все же одень задержанных. Мне эта порнография, лейтенант, уже во где сидит! – Ребро ладони касается горла.

Благодарная аудитория снова с готовностью ржет. Жеребцы, мать их...

Хозяйка квартиры, Алехина Анна Петровна, если доверять паспорту (а не доверять ему нет оснований), 1980 года рождения, русская, не замужем, не судимая, ревела в голос, судорожно тиская у горла ворот замызганного цветастого халатика, уже семнадцать минут тридцать секунд с небольшими перерывами. Это капитан выяснил, взглянув на свои некогда вызывавшие законную гордость «командирские» часы Чистопольского завода. Стакан воды, наполовину выпитый, наполовину расплесканный дрожащими руками, помог мало. Черт, в протоколе кроме паспортных данных, даты и времени – ни строчки. Халтурите, товарищ капитан...

Ага, кажется... Рыдания перешли в судорожные всхлипы. Терпеливо ожидая, когда водные ресурсы иссякнут, Александров снова внимательно оглядел сидящую перед ним гражданку Алехину, гхм, Анну Петровну олимпийского года рождения, русскую... Совсем сопля на вид, а уже двадцать два года, хотя выглядит едва на пятнадцать. Крашенная блондинка, причем довольно давно – вон корни волос темные, симпатичная, правда личико опухшее и зареванное, пухлые (или искусанные?) губы... Ну вот, теперь можно продолжать: – Гражданка Алехина, кем вам приходится граждане Базарбаев и Грушко и каким образом они оказались в вашей квартире?..

Увы, продолжить душевный разговор все-таки не удастся. Дверь в кухню с треском распахивается, жалобно дребезжа плохо закрепленным стеклом:

– Товарищ капитан, смотрите-ка!

Лукиченко, сам сияющий как медный грош, эффектно высыпает перед Александровым на давно не мытую и изрезанную ножом столешницу пригоршню блестящих монет. Желтые, сияющие кружочки, сильно смахивающие по виду на трехкопеечники для автоматов с газировкой, давным-давно канувшие в Лету, катятся по столу, а парочка, звеня, спрыгивает на пол и закатывается куда-то, явно обрадованная свободой.

– Лукиченко, ну сколько тебя можно учить, что, когда входишь... – Капитан нагибается за упавшей монетой, вслепую шарит под столом, поднимает и... слова застревают у него в горле: на ладони, поблескивая в тускло-желтом свете шестидесятиваттной лампочки без абажура, лежит, судя по благородной тяжести, явно золотая монета с чьим-то профилем на одной стороне и двуглавым орлом – на другой. Над орлом четко просматривается витиеватая надпись: «10 рублей. 1994 г.».

* * *

Редкие фонари скупно освещали раскисшую дорогу.
Середина марта. Скоро серая снежная слякоть сменит-

ся непролазной грязью, затем пылью, скрывающей глубокие колдобины на разбитом асфальте окраинной улицы, которую ремонтировали, кажется, еще до «исторического материализма», как говаривал незабвенный сын турецко-подданного Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей. Николай Ильич Александров, заместитель начальника отдела по борьбе с организованной преступностью Хоревского ГОВД, словно какой-нибудь гонщик «Формулы-1», яростно крутил руль, изредка чертыхаясь сквозь зубы, пытаясь удержать на заданном курсе свой древний раздолбанный «москвичонок», вихляющий по обледеневшей местами дороге совершенно неприличным образом. Однако мысли капитана Александрова витали где-то далеко...

Квартиру, где по агентурным данным некий Грушко Алексей Федорович, 1979 года рождения, толкач ¹, известный в среде городских потребителей зелья под кличкой Клещ (видимо, благодаря своей цепкости), должен был принять гостя, обложили еще позавчера. Гость, курьер из Средней Азии, должен был прибыть не пустым, а с партией «тяжелого» наркотика. Для подкрепления в городок даже (небывалый случай в истории хоревской милиции!) прислали группу ОМОНа.

Курьер, щуплый, восточного типа парнишка, прибыл один, автобусом, следующим по маршруту Рудный—Челябинск, встреча проходила весьма бурно. Магнитофон в квар-

¹ Продавец наркотиков (жарг.).

тире гражданки Алехиной надрывался аж до трех часов ночи. Затем грохочущие металлом мелодии постепенно перешли в нежно-интимные, и свет в квартире притух. Когда же в пятом часу утра окна окончательно погасли, застоявшиеся без дела омоновцы, явно бравируя перед провинциалами, вынесли дверь и молниеносно повязали всю троицу, обоих парней и девицу – как оказалось, хозяйку квартиры, – завершающих приятный вечер в одной постели.

Наркоту, 5 килограммов 375 граммов опия-сырца, нашли конечно же сразу. Да ее особо и не прятал никто – валялась на грязном полу узенькой прихожей в той же сумке, что привез азиат, завернутая в прозаическую районную газетку. Нашли и пистолет, старый обшарпанный «макаров» со спиленным заводским номером, судя по отпечаткам пальцев, принадлежавший Клешу. Отыскивали несколько пачек «зелени», видимо приготовленных для оплаты груза. Были также и «деревянные», хотя, как ни странно, довольно мало. Но все это – сушая ерунда...

В мозгу Александрова занозой засели злополучные монеты. В точности как значилось в описи изъятого: «Пункт 12. Монеты из желтого металла, царской чеканки с портретом Николая II и надписью „Б.М.Николай II императоръ и самод. всеросс.“ на лицевой стороне и двуглавым коронованным орлом и надписью „10 рублей“ на оборотной. Даты выпуска: с 1986-го по 1997 год. Количество – 47 штук».

На предварительном допросе Грушко вел себя нагло, дер-

зил, все отрицал, ссылаясь на сильное опьянение. Дескать «ничего не помню, а пушку, наркоту, баксы и рыжевые под-
сунули менты, с... драные». Последнее утверждение, правда,
вышло ему боком, так как в КПЗ Хоревского ГОВД его до-
ставили уже с «ушибами средней тяжести на лице и торсе». На вопрос, как такое могло случиться, два конвоировавших
Грушко сержанта только потрясенно разводили руками, бо-
жась, что бандюган сам пытался выбить дверь милицейского
«уазика» плечом, боком, спиной и даже головой, причем со-
вершенно разными ее частями, включая щеки, подбородок
и нос...

Допрос второго задержанного, Базарбаева Бахтияра Дин-
мухаметовича, 1980 года рождения, киргиза, проживающе-
го, судя по штампу в паспорте, в поселке городского типа
Аласы Ферганской области Узбекской ССР, тоже ничего не
дал. Базарбаев стойко держался не самой проигрышной в
данном случае линии под кодовым названием: «Моя твоя не
понимай». Промучившись с «иностранцем» два часа, Алек-
сандров сдался и отправил последнего в камеру подучить
немного русский язык.

Хозяйка квартиры, допрошенная, как известно, первой,
тоже ничего вразумительного сказать не могла, так как Ле-
шик ее ни во что не посвящал.

Слава богу, из показаний сопливой дурочки, ежеминутно
прерываемых истеричным ревом, все же удалось выудить па-
ру-тройку подробностей, позволявших надежно прищучить

ее сожителя. Наркоманкой она, по мнению освидетельствовавшего врача, не была, приводов в милицию, как ни странно, несмотря на антиобщественный образ жизни, не имела, честно работала на местном закрытом предприятии обжигальщицей и уже к вечеру была отпущена на все четыре стороны, правда, под подписку о невыезде.

А монеты здесь все-таки были далеко не посторонними.

Дело в том, что две-три недели назад, а точнее, 27 февраля нынешнего, 2002 года, в своей квартире был обнаружен уже тронутый разложением труп известного в городе зубного техника Пасечника Ефима Абрамовича, 1927 года рождения, еврея, вдовца, некогда дважды судимого за валютные махинации, но в последние годы ни в чем предосудительным не замеченного, со следами насильственной смерти. Проще говоря, старика запытали до смерти какие-то отморозки, расплотившиеся в последнее время в изобилии, вероятно добиваясь, чтобы тот добром отдал спрятанные ценности. Ничего от слабого сердчишком дантиста не добившись, бандиты ушли, забрав все мало-мальски ценное. Милиции однако повезло больше: при дотошном осмотре квартиры под ванной был обнаружен искусно устроенный тайник, а в нем кроме валюты на солидную по нынешним временам сумму и всякого рода ювелирных украшений 159 золотых монет различной чеканки. Обыск, правда, производил не Александров, а его коллега из «убойного» отдела капитан Альбертс.

Как и большинство сотрудников, Николай Ильич недо-

любилвал суховатого и скрупулезного Владилена Герардови-
ча, истинного арийца из коркинских ² немцев, и несказан-
но обрадовался, найдя, как ему тогда показалось, ошибку в
описи изъятого при обыске в квартире дантиста.

Значилось же там совершенно несуразное: «Монеты цар-
ской чеканки из желтого металла с портретами различных
императоров и датами выпуска с 1884-го по 1995 год». Алек-
сандров, хотя и не являлся нумизматом, со старинными мо-
нетами сталкивался по роду службы довольно часто. Чтобы
не быть полным профаном, что только сыграло бы на руку
весьма подкованным жуликам, он в свое время кое-что про-
читал и был уверен, что Альбертс просто-напросто перепу-
тал одну из цифр во второй дате. Тем более что в 1995 го-
ду, на семьдесят восьмом году Советской власти, никаких
золотых монет с портретами каких-то там императоров вы-
пущено быть просто не могло. Предвкушая предстоящий за-
нудному коллеге начальственный разнос, Александров тогда
злорадно промолчал.

И вот теперь загадочная монета из Владиленовой описки
лежит на его ладони, весомая и реальная.

Тогда, утром, собрав рассыпанные по столу монеты, Алек-
сандров быстренько вытурил Лукиченко и продолжил до-
прос. «Клиенты» попались трудные, и вторая монетка, зака-

² Коркино – небольшой шахтерский городок южнее Челябинска, в который в
годы Великой Отечественной войны были депортированы немцы, в основном из
бывшей Республики Немцев Поволжья.

тившаяся под стол, как-то совсем вылетела из головы. Когда же, покончив с предварительными мероприятиями, капитан уже выходил из кухни, под ножкой табуретки что-то блеснуло, и он, нагнувшись, выудил на свет божий (тьфу, не божий, конечно, а все от той же лампочки!), еще один золотой кружочек. Почему тогда он не внес улику в опись, Николай Ильич вряд ли смог бы ответить и сейчас. Видимо, подсознание вцепилось в ошибку Альбертса уже тогда.

Вечером, вернувшись домой, он, не раздеваясь и не снимая ботинок, сразу протопал в комнату и вынул из книжного шкафа каталог Узденникова³ «Монеты России», купленный как-то по случаю, в надежде развеять сомнения. Через несколько секунд монета, поблескивающая под светом настольной лампы, вместо того чтобы стать понятнее, еще более сгустила тайну.

Настоящий император Николай II, правивший в 1894—1917 годах и расстрелянный в Екатеринбурге, нынешнем Свердловске, восемь с лишним десятилетий назад, и загадочная личность, присвоившая себе его имя и титул, были абсолютно не похожи друг на друга. Лже-Николай оказался значительно моложе на вид, совершенно без растительности на лице, в отличие от бородатого и усатого прототипа, да к тому же носил совершенно другую прическу! И лица — на

³ Узденников В. В. — российский нумизмат, автор многих книг, признанный авторитет в области коллекционирования монет царской чеканки периода 1700—1917 годов.

монете и на книжной иллюстрации – не имели ничего общего.

Посидев с полчаса над книгой, раскрытой на «золотой» странице, Николай Ильич решительно поднялся и вышел из квартиры. Через минуту он уже катил по обледеневшим улицам на окраину города, где жил один из его хороших знакомых, нумизмат Георгий Конькевич, а в просторечии – Жора Борода.

* * *

Поднимаясь в полной темноте по воняющей кошачьей мочой скрипучей деревянной лестнице двухэтажного засыпного дома, одного из тех, которые в народе весьма точно именуются клоповниками – детища первых послевоенных пятилеток, – Александров пару раз наступил на нечто столь мерзкое, что о его природе даже не хотелось думать, едва не раздавил кого-то живого, шарахнувшегося из-под ноги с хриплым звуком, довольно смутно походившим на мяуканье, и в довершение всего, пребывая в расстроенных чувствах, едва не пал жертвой хозяйской безалаберности. Забывшись, милиционер сунул руку в дыру с торчащими оттуда электрическими проводами, имеющую место быть на том самом месте, где в домах приличных обычно устанавливают звонок. Чертыхнувшись очередной раз на безнадёжного разгильдяя, Николай брезгливо, но настойчиво, насколько это было воз-

можно при наличии под кулаком относительно мягкой поверхности, громко постучал в дверь, обитую, как он помнил по прошлым визитам, дерматином, потерявшим от времени эластичность, порывшимся и облупившимся, грязным и продраным во многих местах. После этого он приготовился терпеливо ждать проявления признаков жизни, так как квартира сталинской эпохи отличалась обширными и запутанными, как лабиринт, коридорами, доставшимися в наследство от бурного коммунального прошлого...

Хозяин, однако, вопреки ожиданиям, распахнул дверь сразу, как будто ожидал стука весь день.

— По какому поводу, г'ажданин начальник, т'евожите бедного ев'ея? — Георгий в своей обычной манере паясничал, изображая местечковый акцент.

Проделывал он это довольно бездарно, так как, во-первых, родился, вырос и закончил довольно престижный технический вуз в Ленинграде, попав в заштатный Хоревск по распределению, хронической невезучести и вообще чистому недоразумению, как он сам любил выражаться, а во-вторых, никаким евреем, судя по документам, которые капитан Александров имел возможность изучить вдоль и поперек, не являлся. Смена национальности, равно как и фамилии («в девичестве Конькевич имел вполне славянскую фамилию Коньков, а родителей его звали Геннадием Сергеевичем и Светланой Владимировной»), по мнению Николая Ильича, была своеобразным протестом против общего идио-

тизма окружающей жизни скромного инженера, недотягивающего, по робости характера, до открытого диссидентства. Капитан, разделяя, в общем, взгляд „еврея по собственному желанию“ на социалистическую действительность, объективно данную нам в ощущениях, подыгрывал Жоре как мог.

– С обыском мы к вам, гражданин Конькевич. Люди говорят, опять вы к преступному прошлому вернулись – валютными ценностями балуетесь. Золотишком там, серебришком...

– Побойтесь бога, г'ажданин капитан, ничего нет, обыскивайте пожалуйста! С девяносто пе'вого ничего не де'жу. Не ко'ысти ради, а исключительно честным т'удом накопленные...

Оба захохотали, довольные друг другом...

Дело в том, что познакомились они в памятном девяносто первом году, когда в область сверху была спущена очередная людоедская директива на поголовные обыски у нумизматов, фалеристов и прочих коллекционеров, которые потенциально могли хранить у себя изделия из любых драгметаллов: серебра, золота (не говоря уже о, страшно сказать, платине!) и прочие имеющие историческую и культурную ценность вещи. Хотя конечно же все понимали, что вся эта возня является не чем иным, как очередной кампанией, организованной для изыскивания местных резервов валютных средств, как никогда необходимых государству (интересно, когда они не были необходимы?).

Параллельно с операцией «Червонец» в Хоревске и в Челябинской области вообще с большим размахом проводились операции «Доллар» и «Антиквар», поэтому, естественно, обыски у всех известных коллекционеров дисциплинированно провели и монеты, в основном серебряные полтинники и рубли царской чеканки да десяток-другой золотых червонцев, изъяли, но дел валютных, по крайней мере здесь, не возбуждали. Месяца через два, когда в Москве подвели предварительные итоги и осознали, что многоголосый вой, поднятый по данному поводу на Западе, жалкой драгоценной мелочовкой, собранной по стране, не окупить, в очередной раз было громогласно объявлено о перегибах на местах. Сам «дорогой и любимый» уделил этому обстоятельству пару слов в своем ритуальном субботнем выступлении по ящику. На места срочно разослали соответствующие директивы, отменяющие предыдущие. Согласно «принципу домино» личные дела непосредственных исполнителей, в том числе и Александрова, тогда уже капитана, украсились выговором, правда, расплывчатым и невнятным, дальнейших горизонтов существования не особенно омрачавшим. Монеты, пылившиеся в сейфе, велено было вернуть с извинениями, что и было проделано с готовностью...

Конечно, задним числом пострадавшие, переведя дух, высказали множество обид, недовольства и прямых упреков. Вообще выслушать пришлось немало, но большинство нумизматов, в душе уже распроставшихся со своими сокро-

вищами, отнеслись к акции с пониманием, а с Жоркой, пострадавшим, кстати, чуть ли не больше других, капитан даже подружился. Оба они были холостяками, хотя по-разному – Николай недавно, а Конькевич принципиально, – и с тех памятных пор время от времени встречались, дабы «раздавить полбанки» и посудачить в непосредственной обстановке. Попутно Александров использовал Конькевича в качестве эксперта на общественных началах, поскольку Жорка обладал поистине энциклопедическими знаниями в области нумизматики, фалеристики, науки о бумажных денежных знаках – бонистики, да и истории вообще, хотя ни о каком стукачестве и речи не шло – стал бы Николай травмировать ранимую психику потомственного интеллигента подобными предложениями! Не прямой наследник Железного Феликса все-таки...

Лысоватый, щуплый и очкастый Жорка при всей своей внешней невзрачности, чуть ли не уродстве, бабником тем не менее являлся непревзойденным. Что женщины, причем в большинстве своем статные, красивые и внешне неприступные, находили в этом очкарике, Александрову было совершенно непонятно. Высокий и, как сам небезосновательно считал, не лишенный мужской красоты Николай Ильич в общении с женщинами почему-то всегда робел и практически терял дар связной речи. Хоревский казанова, множество раз не особенно успешно пытавшийся втянуть его в свои сексуальные авантюры, непременно злился и обзывал милицио-

нера импотентом с плоскостопием, который «ни в п..., ни в Красную Армию»...

Вот и сейчас, оборвав смех, Жорка вцепился в рукав Александра мертвой хваткой и озабоченно зашептал:

– Просто здорово, что ты пришел, Коля. У меня там в комнате, совершенно случайно естественно, две та-а-акие девчонки!.. Принес что-нибудь?

Как всегда, стоило Жорке перейти на подобные серьезные темы, еврейский акцент пропадал бесследно.

– Проходи, раздевайся. Сейчас я тебя дамам представлю. Вот только попробуй мне отвертеться! – Привстав на цыпочки, Конькевич потряс своим костлявым кулачком под носом улыбавшегося Александра, после чего шустро развернулся и попытался проскочить в комнату, однако капитан поймал его за растянутый до предела самовязанный свитер:

– Постой, Георгий, я по делу. Монетку тут одну тебе принес, – и тут же добавил, заметив какой-то специфический, по-кошачьи хищный огонек в глазах коллекционера, появившийся лишь в случаях, подобных сегодняшнему: – Показать, только показать, не облизывайся.

Жорка тем временем разительно переменялся, как и всегда, когда речь заходила о монетах.

– Ну-ка, ну-ка. – Он чуть ли не волоком протащил Николая в кухню, где было устроено некое подобие лаборатории.

Здесь коллекционер чистил и реставрировал монеты, занимался проявкой пленки и печатью фотографий, а также

массой иных дел, среди которых приготовление пищи обычно оказывалось далеко не на первом месте.

Конькевич проворно зажег настольную лампу, расстелил под ней фланелевую салфетку, вынул из ящика стола древнюю мощную лупу в потертой латунной оправе, саму по себе антиквариат, походя смахнув туда стопку свежееотпечатанных фотографий, как заметил Николай, весьма непристойного содержания, и уселся на табурете, по-детски зажав сцепленные ладони между колен.

– Я готов, показывай.

Александров с деланным безразличием выудил из кармана загадочный червонец и небрежно кинул его на фланельку. Глухо звякнув и пустив веер зайчиков по полутемному помещению, монета удачно, как по заказу, легла портретом вверх. Капитан ожидал, что Жорка коршуном кинется на нее и тут же примется разглядывать. Хотя, конечно, могло быть и так, что прожженный коллекционер не проявит к десятирублевику никакого интереса в надежде потом все же выманить его, однако того, что произошло, никак не предвидел.

Бросив один только беглый взгляд на блестящий в свете лампы кружочек, сгорбившись и став, кажется, еще меньше ростом и незаметнее, Жорка как-то медленно оглянулся на Николая, и у того екнуло сердце при виде его осунувшегося, как у покойника, лица. Надтреснутым и будто бы сразу постаревшим голосом Конькевич произнес через силу:

– Где вы ее взяли?..

Молча посидев несколько минут, Жорка встряхнул головой, будто проснувшись, поднялся и, по-стариковски шаркая ногами, подошел к «хрущевскому холодильнику», а проще – нише в стене кухни, выходящей на улицу. Открыв ее, он долго выставлял на пол многочисленные банки с соленьями, разнообразные коробки и пустые бутылки, а затем в тишине кухни раздался громкий металлический щелчок.

«Ага, вот где у нас сокровища, – автоматически отметил Александров, в котором неожиданно проснулся профессионал. – Запомним...»

Хитрый Жорка, несмотря на многолетнюю дружбу, никогда не говорил ему о том, где хранит наиболее ценные экспонаты своей коллекции. Естественно, после того случая с обыском он где-то оборудовал тайничок. Теперь-то ясно, где именно...

Вдруг Жорка, сидящий в неудобной позе на корточках, опустив голову, не оборачиваясь, выдавил:

– Николай Ильич, вы меня брать пришли?..

Николай даже растерялся от такого вопроса:

– Ты что, Жорка, совсем тут охренел со своими бабами? За что?

Жорка медленно поднялся и, помедлив, выложил рядом с принесенной монетой еще одну, на вид точно такую же. Ни-

колай жадно схватил ее и поднес ближе к свету. Да, монеты были совершенно идентичны, только у Жоркиной дата выпуска другая: «1993».

Видимо, в действиях капитана было столько неподдельного удивления, что у Жорки немного отлегло от сердца и он несмело тронул представителя закона за плечо:

– Коль, ты в самом деле не за мной пришел?

– Пошел ты, Георгий, знаешь куда?... К еврейской матери! – Александров досадливо сбросил с плеча его руку, продолжая сверять обе монеты. – Скажи лучше, что это за денежки такие занятные...

Конькевич заметно оживился, почувствовав, что призрак камеры, замаячивший было перед его глазами во всей красе, правда, навеянной «самиздатом», отступает. За пристрастие к сей литературе Николай его нередко бранил, хотя в его прямые обязанности охота на диссидентов не входила. Жорка сгреб со стола вторую монету и лупу и начал совать все это под нос капитану.

– Да не знаю я, что это за монета! Ты посмотри, портрет-то совсем не Николая. Сравни!

Он сбегал к тайнику и для верности сунул в руки Александрову еще одну золотую монету, тоже десять рублей, тоже Николая II, но уже несколько потертую – 1911 года выпуска.

– Сравни, сравни! Видишь – бороды нет, да и не похож совсем.

– Да видел я все это... – слабо сопротивлялся Николай, и

без лупы уже видевший «двенадцать различий».

– Смотри еще, на реверсе, видишь – дата?

– И дату я разглядел. Моя еще свежее – девяносто четвертого...

– И орел еще... Смотри – на крыльях-то, не восемь, а двенадцать гербов!..

Александров с трудом отпихнул от себя Жорку, сжимавшего антикварную лупу, и, встряхнув его за плечи, заорал:

– Что это за монеты?!!

Конькевич враз как-то сник, будто детский шарик, из которого разом выпустили воздух:

– Не знаю я, понимаешь...

– Фальшивка, что ли?

– Нет, настоящее золото. Девятисотой пробы, я проверял, есть у меня кое-какие методики... Гурт ⁴ тот же, хорошо-го машинного оформления, стиль штемпелей... Да и смысла нет никакого другой портрет чеканить, понимаешь?

– А я вот читал где-то, не помню где, что в какой-то африканской стране фальшивомонетчик один шизанутый деньги печатал со своей физиономией. Может...

– Нет, тут явно не то. Смотри, какая проработка, исполнение. От подлинника не отличишь, да и в обращении они обе были. Вот забоины, царапины, потертости, «bag marks», ну... насечки такие, крохотные, от других монет в банковском мешке... Это реальные монеты, ходовые, не для кол-

⁴ Боковая поверхность, ребро монеты.

лекционеров. И еще...

Дверь в кухню немного приоткрылась, и в образовавшуюся щелку просунулась симпатичная девичья мордашка:

– Жорик, ты с кем тут ссоришься?.. Ой! Кто это?..

– Знакомься, Коля, это Валентина. Валя, это Николай. А теперь исчезни, мы сейчас.

Надув губки, симпатичная Валентина исчезла. Жорка снова вернулся к столу:

– Смотри, на крыльях орла двенадцать гербов! Если это подделка или имитация, можно было бы ожидать, что гербов будет меньше, ведь это такая мелочь, меньше миллиметра каждый. Тем более восемь-то гербов из двенадцати в точности соответствуют оригиналу, то есть монете одиннадцатого года, лишь некоторые на других местах расположены, а четыре – совсем другие.

Наклонившись над протянутой лупой, Николай ясно разглядел миниатюрные гербовые щитки на крыльях орла, на которые сперва совсем не обратил внимания. Сравнив с десятирублевой монетой 1911 года, он отметил, что появились щитки с орлами, одним двуглавым и двумя одноглавыми – темным и светлым, а главное – один с полумесяцем и крохотной звездочкой.

– А дата?

– Дата как раз не доказательство. Многие страны чеканят старые монеты с новыми датами для тех обывателей, кто боится инфляции и хранит свои средства в драгоценных метал-

лах. В Турции, например. Или возьмем Австрию – там все еще чеканят имперские монеты с портретом Франца-Иосифа и новыми датами. Да и у нас еще недавно чеканили золотой червонец с шадровским сеятелем образца тысяча девятьсот двадцать третьего года. Правда, и на нем дата была новая...

– Значит, ты хочешь сказать, что кто-то где-то чеканит монету в подражание николаевскому червонцу, но с новой датой и своим портретом...

– Не ври! Это ты говоришь про портрет. Я такого, помнится, не говорил. Фиг его знает, чей это портрет с именем и титулом твоего тезки. Меня лично больше орел беспокоит. Кстати, Коля, эта монета называется империал, а не червонец. Стыд тебе и срам! Для человека, хоть немного искушенного в нумизматике, это должно быть аксиомой...

Вдруг Александров вспомнил нечто важное:

– Слушай, а у тебя она откуда взялась?

Жорка снова съежился, как проколотый шарик:

– Ефим Абрамович дал... покойный... определить... – еле слышно пролепетал он.

– Пасечник? Когда это?

– За неделю до смерти... Ну, до того, как его...

Дверь снова приоткрылась. Но личико просунуться не успело.

– Исчезни! – гаркнул уже капитан.

В коридоре пискнули, шарахнулись, что-то загрохотало.

– Велосипед уронила, дура, – обреченно вздохнул Конь-кевич.

Петр Андреевич сидел, протянув руки к огню, возле некоего подобия очага, сооруженного им из какого-то старого ржавья, найденного неподалеку, так, чтобы огня не было видно снаружи. Толку от очага было мало – ночь сегодня выдалась морозная...

Этот полуразрушенный дом на одной из окраинных улиц городка отыскался далеко не сразу. До того как наткнуться на почти роскошное убежище, Чебрикову несколько ночей пришлось провести, ежеминутно рискуя нарваться на местных блюстителей закона, в каких-то подъездах, практически неосвещенных, холодных, со стенами, изрисованными странного содержания граффити и псевдоматематическими формулами типа «ХУ...», к тому же весьма дурно пахнущих, если не сказать больше... Более того, пару раз он вообще ночевал в лесу, забравшись на дерево! Какая-то дикая смесь Майн Рида и Луи Буссенара пополам с Фенимором Купером! Однако если здесь такие подъезды, то кто может гарантировать, что по лесу, подступающему чуть ли не к самому городу, не шастают стаи голодных волков, жаждущих крови несчастного путника?..

Ротмистр Чебриков, несмотря на глухую тоску, уже привычную, улыбнулся, представив себе стаю голодных облезлых волков, приплясывающих в нетерпении под деревом, на

котором держится из последних сил замерзающий путешественник. Подобную картинку – гравюру Гюстава Доре к старинному изданию «Приключений барона Мюнхгаузена» – он разглядывал лет этак в пять или шесть, сидя на коленях дедушки Алексея Львовича...

Улыбайся не улыбайся, тоскуй не тоскуй, а положение, в котором граф неожиданно-негаданно очутился, оптимистических чувств не вызывало. Более того, было оно до безобразия запутанным и фантастически неправдоподобным. То есть, конечно, наоборот, было оно кошмарно правдоподобным, но совершенно фантастическим...

Только представьте себе на мгновение: сыщик, преследуя по пятам отпетого бандита, попадает через таинственный подземный ход (прямо какие-то «Парижские тайны» Эжена Сю получают!) в совершенно иной, незнакомый мир... Фантастика скажете? А что же еще? Конечно, фантастика! Однако проза жизни в этом сказочном происшествии заключается в том, что неосторожный сыщик и преступника не поймал, и сам вернуться к себе домой оказался не в состоянии... Вот тебе и фантастика: Герберт Уэллс, Жюль Верн и Конан Дойл – все в одном переплете!

Делать все равно было нечего, и граф Чебриков снова и снова прокручивал в голове события двух с небольшим минувших недель...

– Да ерунда все это, Петр Андреевич, – ныл как всегда вахмистр Елисеев, один из местных блюстителей, то ли проводник, то ли конвоир, предупредительно приставленный к заезжему офицеру начальником уездного жандармского управления ротмистром Шуваловым, явным однофамильцем, но отнюдь не родственником знаменитого елизаветинского вельможи. Сумасшедшая затея неожиданно-негаданно свалившегося как снег на голову графа переться куда-то в ночь и нешуточный мороз ему не нравилась совершенно. – Никуда они, мазурики, до утра не денутся, уверяю я вас, ваше благородие... Утречком повяжем их тепленькими и представим пред ваши светлы очи, ваше сиятельство, как есть представим...

– Молчи уж, – досадливо, в сотый уже, наверное, раз отмахивался ротмистр, не отрывая глаз от портативного прибора ночного видения, через который наблюдал за высокими воротами, наглухо запертыми часа два назад за Георгием Кавардовским, бандитом международного класса, некогда дворянином не из самой захудалой фамилии Империи, блестящим офицером гвардии, а ныне лишенным всех прав и состояния беглым каторжником и кандидатом на пеньковый галстук.

Кавардовского безуспешно разыскивали по всей Европе

лучшие сыщики Корпуса, не говоря уже о полициях и специальных службах тех стран, куда этот головорез в очередной раз убегал.

И надо же было такому случиться, что вместо Парижа, Стокгольма или какой-нибудь Женевы король преступного мира всплыл именно здесь – в уральской глуши, вдали от всех границ, до которых отсюда, как говаривал классик, год скачи, не доскачешь!...

Когда Чебриков месяц назад получил идентификационную карту отпечатков пальцев, снятых в одном из давно известных наркоманских притонов, на месте двойного убийства почему-то принятого умниками из губернского управления за ритуальное, то впервые в жизни почувствовал, как пропускает удар сердце: бездушный автомат, моргнув своими глазками-лампочками, выплюнул прилежно отпечатанную копию первой страницы дела, заведенного на неуловимого эстета-убийцу...

Последующие дни ушли на тщательное стягивание вокруг Кавардовского необходимой паутины: определения его связей, точного местонахождения... С начальством делиться своим открытием до поры ротмистр не стал, ограничившись стандартной отпиской о безымянном подозреваемом, не числящемся в картотеке управления. Зачем толстомясым чинушам вертеть в кителях новые дырки под ордена, ведь карта так и плывет в руки, суля недюжинный выигрыш: награда, без сомнения – повышение, возможно – давно желан-

ный перевод в Санкт-Петербург или на худой конец в Москву...

Петр Андреевич вздохнул и поворошил ржавым металлическим прутком, согнутым на манер кочерги, уголья в своем импровизированном камине, поднимая каждым движением рой мельчайших искр. Вот тебе и перевод в столицу! Сиди тут и наслаждайся повышением, свежеиспеченный господин Бродяга, Ваше Помоечное Сиятельство...

Где-то за окном, вместо стекла, в котором красовалась картонка с портретом какого-то пожилого представительно-го человека с густыми бровями, массой орденских планок на пиджаке и несколькими золотыми звездочками под самым левым плечом, давал традиционный концерт, то завывая на низкой басовой ноте, то срываясь на истошный визг, бродячий кот, страдающий от отсутствия столь необходимой ему сейчас подруги. Богатство промежуточных тонов было так велико, что в своем кошачьем мире данный индивидуум, явно высокоталантливый, наверняка слыл кем-то вроде Шалапина.

Чебриков на мгновение так красочно представил себе массу разномастных пушистых слушателей, рассеявшихся во-круг певца на ветвях деревьев и заборах, а по завершении наиболее залиvistых рулад одобрительно аплодирующих мягкими лапками и швыряющих на сцену свежепой-манных мышей и рыбы головы, что, несмотря на общетоск-

ливое настроение, улыбнулся. Слишком живое воображение часто играло с ним злые шутки, как и в этот раз...

Чебриков в самом конце февраля прибыл в город, мотивировав необходимость командировки в уездный Хоревск активизацией деятельности малоизвестной религиозной секты «Сыны Ашура», о «проказах» которой – затягивании в свои ряды малолетних неофитов, царящем внутри секты разврате, страшно сказать – содомии, непонятных доходах, а главное – наркотиках, наркотиках и еще раз наркотиках – давно поступали сигналы не только агентов, но и рядовых обывателей, возмущенных бездействием властей.

Прикрываясь интересом к сектантам, граф вплотную занялся разработкой окружения Князя, как в местной уголовной среде величали Кавардовского, видимо, из-за внешнего лоска и не вполне забытых на каторге великосветских манер. К своему изумлению, ротмистр очень быстро установил связи бандита не только с местной бандой, возглавляемой неким уголовником Колуном, который своей изрядной комплекцией действительно смахивал на дровосека, – бывшим взломщиком, отбывшим на заокеанской каторге и поселении двадцать пять лет, но и (что это, как не профессиональная интуиция, господа?) с той же вышеназванной сектой.

С духовным лидером этого религиозного объединения, вернее хоревского его отделения, неким господином Расхваловым Фролом Александровичем, происходившим из ме-

щан Орловской губернии, сыном отставного тюремного надзирателя и недоучившимся студентом Московского университета, Чебриков имел продолжительную беседу, от которой у него осталось гадливое чувство, будто держал руками без перчаток какого-то мерзкого червя, причем не дождевого трудягу или невинную личинку насекомого, а самого настоящего глиста, зловонного и скользкого...

Еще не так давно упомянутый Расхвалов вел небесприбыльную торговлишку всем на свете, пользуясь выгодным положением города на оживленной трассе и к тому же почти на самой границе азиатских губерний. Из Кокандского ханства, Бухарского эмирата и даже из далекой Индии шел поток всякого восточного барахла вроде пестрых ковров, шелковых и хлопчатобумажных тканей, чеканной посуды, сушеных фруктов и экзотических ягод, туда – скобяные, резиново-технические и прочие товары для продажи на месте и перепродажи в Афганистан, Персию и дальше на Восток. Не брезговал в былые времена хоровский коммерсант и контрабандой, но не в особенно крупных размерах и, так сказать, дилетантски. Видимо, на этой почве и сошелся Расхвалов с громилами Колуна, прикрывавшими за малую толику не совсем чистые делишки купчины от конкурентов и властей.

Внезапно пару лет назад купчик Расхвалов всю свою торговлишку свернул и переквалифицировался по духовной, так сказать, линии. Сам он клятвенно утверждал, что якобы узрел свет истины и сам святой Ашур лично открыл ему

«третий глаз»... Слушая вполуха кликушу, по которому явно плакали казенные палаты с крепкими запорами и заботливыми санитарами, Чебриков с тоской поминал про себя пресловутый высочайший рескрипт 1988 года «О веротерпимости» за подписью Александра IV, благодаря которому и расплодились подобные расхваловскому вертепы, и ставшее притчей во языцех упорство, с которым император Николай Александрович отказывался отменять установления чудаковатого батюшки, пусть и самые нелепые...

Когда папка с тщательно собранными ротмистром материалами достигла пресловутой толщины кирпича, а масса собранных доказательств, будучи взвешена на весах Фемиды, перевесила бы все мыслимые и немыслимые оправдания, Петр Андреевич решил, что наконец настало время для *действия* ...

Когда дровишки в очаге совсем прогорели, хотя тепла в продуваемой всеми ветрами халупе так и не добавилось, ротмистр, кутаясь в свою куртку, не очень-то греющую, вопреки горячим заверениям рекламы, поднялся с пустого ящика, приспособленного им в качестве кресла, и стал готовиться ко сну.

Устал он за день изрядно, но сон почему-то не шел. Лежа в полной темноте с открытыми глазами, Петр Андреевич слегка прислушивался к руладам неугомимого кота и все старался найти ошибку в своих действиях, первоначально казав-

шихся непогрешимыми.

Операция была назначена ротмистром на вечер второго марта.

Очень интересная формулировка, будто готовился к операции по крайней мере взвод летучего отряда жандармерии при полном вооружении и снаряжении! Не было никакого взвода... Даже двух-трех проверенных оперативников, увы, не имелось под рукой. Петр Андреевич собирался провести захват Кавардовского имеющимися в наличии силами, то есть в одиночку.

Бравадой подобный план казался только на первый взгляд. Ротмистр Чебриков до зачисления в ряды сотрудников Корпуса подвизался в армейской разведке, причем отнюдь не на штабной работе, имел за плечами десятки операций в разного рода горячих точках по всему свету, три регулярные, хотя и не очень афишируемые, кампании, и скрутить знаменитого головореза, прикрывая его хоть пресловутые чикагские гангстеры, чьи подвиги так живописует и смакует бульварная пресса, или боевики сицилийской «коза ностры», смог бы без особенного труда. Недаром среди знакомых жандармов Петр Андреевич заслуженно носил шутовское прозвище Ниндзя.

Пользуясь беспечностью объектов, наивно считающих, что в уральской глуши они в абсолютной безопасности, Чебриков придирчиво исследовал все подходы к штаб-кварти-

ре Кавардовского и Колуна, быстро выяснив отсутствие у бандитов путей к отступлению. Постоянных телохранителей у главарей банды тоже немного – всего двое, причем один, щуплый парнишка лет двадцати, судя по всему, имел с Колуном несколько иные отношения, нежели рядовой бандит с боссом, и никакой проблемы не представлял вообще. Второй – значительно опаснее, ротмистр пару раз фиксировал его занятия во дворе какой-то восточной борьбой наподобие японского карате-до или еще более причудливого тэйквандо и тхекван-до, но, как говорится: «Против лома нет приема».

Оружие у бандитов, конечно, имелось, и это весьма осложняло ситуацию. Однако, собираясь в командировку, Чебриков, позаботился об экипировке, вооружении и специальных средствах, благо получал в таких делах полный карт-бланш начальства, предпочитавшего не спорить лишний раз со столичным хлыщом, не раз доказавшим на деле свою компетентность, так что осечки просто быть не могло.

Уже застегивая бронежилет (отнюдь не штатную «кирасу» нижегородского производства, а патентованный австрийский «штурмпанцер», гарантирующий надежную защиту даже при стрельбе крупнокалиберными пулями и в упор) перед зеркалом крохотной конспиративной квартирки на Александровской, у рынка, также щедро выделенной непонятному ревизору Шуваловым, Петр Андреевич еще и еще раз задавал себе вопросы: не торопится ли он, не следует ли все-таки сообщить о результатах расследования наверх и

вызвать подмогу?...

– Победителей не судят, ротмистр! – подмигнул он самому себе, наконец отбросив все сомнения, и, не оборачиваясь, вышел в ранние мартовские сумерки.

«Отбросил все сомнения» – сказано-то как! Хорошо сказано, вкусно! Знать бы тогда, к чему все это приведет, отмерил бы не семь, а семьдесят семь раз, прежде чем отрезать. Увы, дорога в ад вымощена благими намерениями...

– Все! Остаешься здесь, – проинструктировал Чебриков вахмистра Елисеева, явно обрадованного тем, что ему лично лезть в бандитский притон не придется. – Если начнется стрельба, вызовешь подмогу. Но во всех остальных случаях – терпеть до последнего и ждать моего сигнала. Смотри меня не подстрели, когда выйду, – на прощание напутствовал он напарника. – Если выйду, конечно...

– Типун вам на язык, Петр Андреевич! Не гневите Бога, – перекрестил на прощание Чебрикова вахмистр, дядька, судя по всему, неплохой. – Храни вас Господь, ваше благородие!

– Ничего, ОН не выдаст... – отшутился ротмистр, ныряя в темноту...

Проникнуть в дом через окно веранды, неосмотрительно не запертое хозяевами изнутри, оказалось довольно легко. Внутренняя дверь тоже запиралась по-провинциальному архаично – на мощный, но весьма ненадежный крючок, легко откинутый неким острым орудием из арсенала Петра Андре-

евича. Дальше скучно и вспоминать...

Чутко спавший на печи в передней комнатке поклонник восточных единоборств, прыгнув при первом шорохе на пол и попытавшись принять какую-то хитрую стойку, тем самым совершил ошибку: нужно было поднимать тревогу, не полагаясь на заморские штучки и не тратя времени даром... Без изысков получив в лоб рукоятку чебриковского «вальтера», парень так же молчком улетел в закуток, практически не наделав шума.

Темнота, царящая внутри, играла ротмистру, заблаговременно обрезавшему идущий к дому электрический кабель, только на руку. Сам-то он отлично наблюдал за всем через прибор ночного видения, теперь нацепленный на лоб и напоминающий громоздкие очки с длинными окулярами вместо линз.

В зеленоватом неживом свете ясно вырисовывались стены и двери, проемы окон и дощатый пол, кое-где прикрытый домоткаными половиками. Ага, вот и Колун!

Гориллообразная туша выдвинулась из своей комнаты, бестолково чиркая, в сонной одуре, спичками, которые тут же гасли.

– Э-э... Хохлан... Чего это?.. – ничего, видно, спросонья не понимая, басил он, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в окружающей тьме.

Такого банальной рукояткой в лоб не проймешь – консти-

туция у него не та, да и лобная кость почище танковой брони будет... И даже с таким же наклоном!

Колун так и не успел ничего понять, врезаясь со всего размаха виском в добротный дверной косяк. Удар был такой, что, казалось, весь дом вздрогнул. В следующее мгновение какая-то неведомая сила, чуть ли не сама сгустившаяся темнота, швырнула обалдевшего от суеверного ужаса громилу обратно в его комнату, прямо на завизжавшего по-бабьи с перепугу «дружка», коротавшего ночь в одной постели со старшим товарищем. Довершила дело струя приятно пахнувшего мятой и еще какими-то травами снадобья, ударившая обоим прямо в лицо и разом перехватившая дыхание...

Увы, самого Кавардовского застать врасплох уже не удалось.

Распахнув дверь в его комнату, Чебриков сразу же получил мощный удар в грудь, надежно отраженный бронежилетом, и, падая навзничь, увидел легко перемахнувшую через него тень. Очки, черт их побери, при падении слетели и водворить их на место удалось не сразу. Ладно, ничего страшного: все окна закрыты ставнями, а входную дверь, не полагаясь на допотопный крючок, ротмистр надежно заклинил — плечом не вышибешь! Ага, судя по звукам, доносившимся из глубины дома, это господин Кавардовский сейчас и пытается сделать... Все, Князь, ты влип!

Уже не торопясь, Петр Андреевич направился в перед-

нюю, на ходу пряча пистолет в кобуру.

«Главное в нашем деле – шкурку не попортить...»

Стоп! А где же он?..

По полу кухни ползал только недовырубленный телохранитель Колтуна, которого пришлось успокоить аккуратным пинком в челюсть и дозой «лаванды». Где же Князь? Дверь по-прежнему заперта, как и окна... На печи его нет... За печью... Черт! Как же вы, господин ротмистр, позабыли про традиционную уральскую «западню»!

Точно! Половик прямо перед дверью в сени скомкан, а под ним... Лаз в подполье. Неужели там подземный ход за пределы усадьбы? Непростительная беспечность, граф!

Ступени вели в кирпичный закуток полтора на полтора метра с двумя металлическими, грубо крашенными суриком дверями. Одна заперта на висячий замок, вторая распахнута... Догадайтесь-ка с трех раз: где беглец?

Быстрее, быстрее! Под ногами скользит сырая глина, ход загибается куда-то в сторону. Новая дверь! Заперта? Слава богу, нет...

Как-то нехорошо заныло сердце. Вздор, времени нет... И голова почему-то кружится...

За дверью снова коридор, но совсем короткий, и еще одна дверь. Тоже не заперта! Лестница!..

Какой-то дом, явно нежилой, совершенно заброшенного вида. Даже не дом – халупа какая-то всего из одной комнаты! Дверь открывается прямо на улицу! Откуда он здесь? Пом-

нится, со всех сторон усадьбу Колуна окружали вполне приличные дома. Да и не успел бы Князь добежать до другого дома – всего каких-то тридцать метров подземный ход тянулся, не больше. На улицу! Кавардовский не мог далеко уйти!

«Что-то потеплело на улице, вы не находите, граф?»

Потрясенный он стащил очки, совершенно ненужные из-за ярко сиявшей в ночном небе луны.

Чебриков стоял на какой-то совершенно незнакомой улице, вплотную упирающейся в березовый лес, которого, насколько он помнил географию Хоревска, тут не могло быть и в помине. Пригород Хоревска, Александровская слобода, в местном просторечии именуемая проще – Разбоевкой – растаяла без следа. Кругом расстился унылый пейзаж, состоявший из крохотных домиков, выстроенных словно по линейке и украшавших собой небольшие клочки земли, окруженные заборами... Фантаσμαгория какая-то, право слово...

Кавардовский тогда растаял без следа, видимо укрывшись в березняке, а вернуться назад Петр Андреевич, с десятой примерно попытки отыскивавший среди домиков-близнецов нужный, не смог: за металлической дверью, только что открывавшейся в сырой коридор, находилась ровная монолитная стена промерзшей за зиму глины, сохранявшая еще кое-где следы ровнявшей ее когда-то лопаты.

Вот и все. Вместо ожидаемых почестей и славы – тяжелое

похмелье овеществленного кошмара, жалкого бродяжничества в совершенно чужом мире, непонятно откуда взявшемся на месте знакомого и понятного. Ни Кавардовского, ни дороги назад... Тупик, совсем как глиняная толща по другую сторону железной двери. Конечно, стоило обосноваться в этом кукольном поселке, но, увы, домики с чуть ли не фанерными стенками для жилья не были приспособлены абсолютно. Вообще их назначение долго оставалось для ротмистра загадкой.

Пришлось наведываться туда ежедневно, и один раз даже обнаружили следы, но две ночи, проведенные в засаде, принесли в качестве результата только зверский насморк.

Оставив машину у Жоркиного дома, Александров не торопясь брел домой, подняв воротник своего далеко не нового да к тому же продуваемого всеми ветрами пальто. Шел уже второй час ночи. К полуночи прояснило, и морозец, хотя и мартовский, набирал силу. Николай, пробираемый холодом до костей, оценивал на глазок, до какой отметки упал столбик термометра и вынужденно вспоминал слышанную еще от деда пословицу: «Пришел марток, надевай двое порток». Пресловутые вторые портки, старенькие тренировочные брюки под костюмом наличествовали, но даже иллюзии тепла из-за своего, явно синтетического, происхождения не создавали. Снежная слякоть за день расквашенная колесами автомобилей, ночью смерзлась и стеклянно лопалась под ногами, шаги и звонкий хруст льда отдавались эхом от стен окружавших домов, в которых только кое-где светились окна. Негустые водочные пары, совершенно не согревая, на холоде быстро выветрились из головы, уступая место трезвым мыслям.

Когда сдерживать натиск двух демонстративно заскучивавших девиц стало практически невозможно, пришлось прервать захватывающую беседу и заняться их, томящихся без дела, увеселением. Обрадованные появлением мужчин в поле зрения Валюшка с Танечкой с готовностью взяли на се-

бя роль хозяек и споро накрыли на стол. Таня, симпатичная студентка Хоревского энергетического техникума, которую Николай давеча столь резко пугнул, дулась недолго и спустя пару минут уже пила на брудершафт с обидчиком из разнокалиберных рюмок бесхозяйственного Конькевича...

Однако вечеринка как-то не складывалась, ибо оба кавалера никак не могли отвлечься от животрепещущей темы. Николай с Жоркой немного, для порядка, выпили с девицами, слегка потанцевали, а затем галантно, но непреклонно, не оставляя никаких надежд на продолжение вечера в иной, более интимной обстановке, проводили их, немного разочарованных, по домам, благо недалеко, и долго еще сидели, непрерывно куря и разложив монеты и каталоги на столе прямо между неубранными закусками.

По словам Жорки, покойный Ефим Абрамович Пасечник, тоже давний знакомец капитана Александрова, правда, не такой добрый, позвонил ему как-то на работу и попросил срочно зайти. Дома он без обиняков показал коллекционеру эту самую загадочную монету и попросил ее определить. Жорка, естественно, с ходу этого сделать не смог и, высказав уже известные Александрову соображения, заявил, что должен тщательно исследовать непонятный экземпляр дома. Прижимистый старик не отказал, но потребовал денежный залог, и Конькевич скрепя сердце выложил всю только что полученную зарплату и квартальную премию. Это, конечно, раза в два превышало стоимость реальной царской десятки

на черном рынке, но интерес пересилил.

Как раз в тот день, когда подошел срок возврата монеты, Жорка случайно услышал в курилке, что Пасечника ограбили и убили. Деньги, как говорится, гикнулись, что само по себе было довольно прискорбно, однако монета перешла в полное Жоркино распоряжение. Естественно, в тот момент нумизмат в душе Конькевича уступил место обманутому трудуге, и так не бесящемуся с жиру, но вернуть свое без помощи потусторонних сил не представлялось никакой возможности, и мало-помалу он успокоился, философски смирившись с очередным пинком судьбы.

Как обычно, недопив, Жорка становился сонным и тупел прямо на глазах, поэтому Николай, сам почувствовав усталость, засобиравшись домой. Монету он оставил Конькевичу под честное слово, зная, что еврействующий интеллигент ужасно щепетилен в подобных делах. Напоследок, уже в дверях, Александров вспомнил, что совсем запамятовал спросить, почему на крыле орла расположен герб с полумесяцем – ведь это явно мусульманский символ, – на что Жорка рассеянно ответил, что полумесяц, еще до завоевания турками-османами являлся символом Константинополя. На том друзья и расстались...

Подойдя к своему подъезду, Николай вдруг услышал, как за его спиной вдруг скрипнул под чьей-то ногой наст. Резко обернувшись, он чисто инстинктивно нырнул головой в сторону, уходя от предполагаемого удара, и... никого не уви-

дел. Впрочем, в их дворе всегда было темно как в яме. Фонари здесь канули в небытие еще в благополучные восьмидесятые, а теперь не упоминались даже в устно-матерном народном творчестве и фольклорных преданиях вечных скамеечных бабулек. Постояв, неудобно согнувшись, пару-другую минут, капитан пожал плечами, что в его позе не было лишено комизма, и распрямился.

«Надо меньше пить, – думал Александров, поднимаясь по лестнице, немногим более чистой, чем в подъезде Конькевича. – А то свихнешься, капитан. Или белочку словишь...»

Завтра, уже сегодня, наступало долгожданное воскресенье, и следовало отоспаться как следует перед трудовой неделей. А она, как подсказывала многострадальная часть тела, где, по устным преданиям, и заключается интуиция, обещала быть трудной.

* * *

Николай лежал с открытыми глазами и долго не мог понять, что его вырвало из тяжелого похмельного сна.

Казалось, он только что прилег – за окном было темно и светать явно не собиралось. Однако, нащупав на тумбочке свои «командирские», Александров с удивлением убедился, что чувства его не обманули: светящиеся стрелки показывали без нескольких минут шесть утра.

Кинув часы обратно, капитан откинулся на смятую, с

несвежей наволочкой подушку и снова закрыл глаза, но спугнутый сон уже улетучился. Во рту было гадостно, отдавало какой-то мерзкой кислятиной, голова гудела, как после солидного перепоя, хотя, как он отлично помнил, вчера едва-едва почали вторую бутылку «Столичной».

«Опять Жорка паленой водкой напоил, паразит! – ленивым угловатым булыжником прокатилось в голове. – Все экономит, зараза!» Хотя обвинять в экономии нищего инженера, к тому же чуть ли не всю мизерную зарплату всаживающего в пополнение коллекции (бывало, Жорка жил впроголодь месяцами, присмотрев какой-нибудь «перл» вроде пробного «марсовского» медного пятака 1723 года, например, эпопея с приобретением которого сама по себе была достойна романа) и в обольщение многочисленных подруг, было как-то неэтично, и Николай это знал лучше других, но...

Неохотно поднявшись, Александров некоторое время безуспешно шарил ногами по полу в поисках тапочек и, так и не найдя, протопал в кухню босиком. Вода из крана потекла с фырчанием, что говорило о ее недавнем отключении в целях ночной экономии, но оказалась холодной и вкусной. Напившись, прополоскав рот и умывшись уже по-настоящему ледяной влагой, Александров почувствовал себя значительно лучше. Чтобы потом не терять времени, да и не чертыхаться, обнаружив поутру, не дай бог, отсутствие воды в кране, он наполнил чайник и направился, было, снова к по-

стели, но тут яростно зазвонил телефон в прихожей.

Вот оно что! Кто бы это в такую рань? Печальный опыт уныло напомнил Александрову, что ожидать от ранних звонков чего-либо хорошего по меньшей мере наивно.

Трубка была холодной, скользкой, и прикладывать ее к уху было неприятно.

– Александров, – нехотя буркнул капитан в мембрану.

– Какого хрена... ты там спишь, Александров?! – заорала трубка голосом начальника отдела подполковника Каминского. – Почему сразу не берешь? Нажрался опять, что ли?

Николай выдержал паузу.

– Сплю, как все нормальные люди, товарищ подполковник. У меня, если вы забыли невзначай, выходной, – с достоинством ответил он. – А что случилось?

Каминский в трубке, прежде чем ответить, матерился с минуту длинно и заковыристо, артистически нанизывая одну непристойность на другую. Несмотря на раздражение, Николай невольно заслушался, ибо подполковник слыл одним из лучших матерщинников не только управления, но и всего города.

Наконец нецензурное вдохновение начальника иссякло, и он сухо бросил:

– Крестники твои вчерашние в камере чего-то не поделили. Один холодный уже, а другой – в реанимации...

Николай даже задохнулся:

– Как же они в одной камере оказались-то? Я же специ-

ально...

Подполковник помолчал и буркнул раздраженно:

– А я почему знаю? Оказались, и все тут! Ладно, пять минут на сборы. Машину за тобой я уже выслал...

* * *

Как оказалось, ночью срочно потребовалась камера для одной бабы, пардон, женщины, подрезавшей по пьянке своего благоверного, а так как подходящих помещений в старом тесноватом здании горотдела было всего два, осатаневший от недосыпа дежурный, ничтоже сумняшеся, велел перевести запертого в одиночестве Клеца в общую камеру. Старлей, состарившийся на службе без какой-либо перспективы на повышение, понадеялся на русский авось, и в результате капитан Александров сидел теперь над телом киргизского паренька, который, казалось, с большим интересом изучал своими непроницаемо-азиатскими глазенками лабиринт трещин на давно не отремонтированном потолке. Однако результатов своего исследования он уже, увы, не мог сообщить никому, кроме своего Аллаха, по причине располосованного от уха до уха горла...

Как показали срочно допрошенные еще до приезда Александра сокамерники убитого – двое наперсточников, задержанных утром на автовокзале, и местный агрессивный бомж Ксенофонтыч – поначалу ничего не предвещало тра-

гедии. Клеща подселили часов в двенадцать ночи, и он, пугнув по праву бывалого урки, старых обитателей камеры и перекинувшись с подельщиком парой-другой слов, завалился спать. За ним уснули и остальные обитатели камеры. Проснулся первым, оттого что на него хлынула какая-то теплая жидкость, Ксенофонтыч, занимавший место как раз под киргизом. Соскочив с нар с целью «урить узкопленного зассанца», он сам чуть не наделал в штаны при виде страшной картины: азиат бился в агонии, разбрызгивая вокруг темные в тусклом свете лампочки-сороковки, светившей под толком камеры, струи крови.

Еще больше бомж, повидавший в своей длинной жизни многое, ошалел при виде второго парнишки, Клеща, который, уже глубоко распоров в двух местах левое запястье, обливаясь кровью, резал лезвием безопасной бритвы, неизвестно каким образом пронесенным в камеру, вены на правой руке. Опомнившись, бомж кинулся ему на помощь, но парень, уже переступивший зыбкую грань небытия, никак не давался в руки, умудрившись серьезно поранить доброжелателя. От шума борьбы проснулись остальные и, общими усилиями кое-как скрутив самоубийцу-неудачника, вызвали охрану.

Резался Клещ всерьез, не напоказ, как это обычно случается в КПЗ, и к тому моменту, когда подросла настоящая подмога, потерял столько крови, что, несмотря на наложенные жгуты, быстро потерял сознание и впал в кому еще до

приезда бригады «скорой помощи». Врачи ничего обнадеживающего сказать не смогли и увезли пострадавшего, наотрез отказавшись от Базарбаева, помочь которому мог бы теперь только Аллах, в которого, кстати, парень из степей, вероятнее всего, не верил...

Александрову ничего не оставалось, как дотошно допросить всю оставшуюся в камере троицу.

Наперсточники смогли сообщить мало путного, так как проснулись только под занавес скоротечной трагедии, а бомж к ранее сказанному (надо заметить, сказанному довольно связно), больше ничего существенного добавить не мог. Теперь он, белея замотанной свежим бинтом щекой (Клещ, вырываясь, наотмашь полоснул его лезвием так, что еще чуть-чуть, и наперсточники остались бы досыпать в одиночестве), сидел перед капитаном, сжимая в покрытых запекшейся чужой и своей кровью грязных трясущихся пальцах дымящийся окурок сигареты, и занудно твердил одно и то же: «Не помню я ничего, гражданин начальник, не помню я ничего...»

Внезапно он подскочил на табурете и заорал прямо в лицо Александрову, обдавая того вонью полусгнивших зубов и возбужденно брызгая слюной:

– Вспомнил, вспомнил, гражданин начальник! Сначала он только орал да матерился, а как скрутили мы его, говорит, да тоскливо так говорит: «Будьте людьми, дайте сдохнуть, козлы! Все равно мне не жить. Князь меня достанет...»

– Кто-кто?

– Князь, говорит, достанет.

– Князь, это что – кличка?

В ответ Ксенофонтыч пожал плечами.

– Погоняло наверняка. У нас на зоне, когда я срок тянул, Граф один был. Манеры, как у настоящего графа, я в киношке видел. В законе был Граф... А тут Князь. Одна хрень! Настоящих-то князей почитай восемьдесят лет нету, повывели всех...

– А еще что он говорил?

– Да ничего он больше не говорил, стонал только. А как вертухаи набежали, вообще замолк напрочь. По-моему, он уже тогда ничего не петрил, кровищи-то из него вышло – ужас! Как водица бежала кровянка... Мы ему раны-то прижимаем, а она все одно бежит сквозь пальцы, кровушка-то... Красная-красная...

Бомж снова затрясся, и Александров, по-человечески пожалев этого нелепого и по-своему несчастного человека, сунул ему в руку мятую пачку «Примы» с парой-тройкой сигарет, валявшуюся с незапамятных пор в столе, и отпустил с богом в камеру.

На часах значилось восемь утра. Пора было наведаться в больницу. На звонок в реанимацию Николаю ответили, что, хотя поступивший ночью после попытки суицида пациент потерял очень много крови, он пребывает в сознании и может говорить. Жизни его уже ничего не угрожает.

Накинув на плечи тесный, некогда белый, а теперь имеющий довольно-таки неопределенный цвет халат, Александров быстро шагал по коридору реанимационного отделения городской больницы, едва поспевая за бородатым здоровяком-врачом в зеленом хирургическом балахоне с развевающейся за плечом, словно знамя газавата, повязкой. Завидев чернобородого великана, попадающие навстречу ходячие больные и медсестры почтительно липли к стенам, уступая дорогу местному «царю, богу и воинскому начальнику» в одном лице.

– Только прошу вас, товарищ капитан, – гудел диаконским басом хирург, фирменным жестом (с помощью никелированного пинцета устрашающих размеров) выхватывая из сумки предложенной Александровым пачки «Космоса» сигарету, – недолго. Парня едва вытащили, вы понимаете откуда, и он еще очень слаб...

Перед дверью палаты сидел, держа на коленях тупорылый «АКСУ» молоденький сержант. Видимо, проштрафившийся дежурный решил перестраховаться, не дожидаясь распоряжения сверху. Завидев капитана, охранник вскочил и вытянулся, выдавая себя неистребимой повадкой вчерашнего солдата срочной службы.

– Товарищ капитан, за время...

Николай жестом осадил рьяного служаку и, кивнув хирургу, прошел в палату.

Клещ с закрытыми глазами лежал на стоящей у дальней стены крохотной, узкой как пенал койке укрытый сероватой простыней до самого горла. Под ткань уходили трубки установленной рядом капельницы и какие-то провода от мало-понятных приборов. На синевато-белой левой щеке парнишки выделялся тускло-серой полоской старый шрам. Сначала Александрову показалось, что Клещ без сознания или спит, но веки глубоко запавших глаз дрогнули, и голова медленно повернулась на звук скрипнувшей двери.

Капитан поразился, как переменился за короткое время еще вчера цветущий и наглый парень. Лицо его приняло действительно какой-то мертвенный, даже не восковой, а стеариновый оттенок, под запавшими глазами залегли глубокие тени, схожие по цвету с честно заслуженными вчера синяками на лбу и скуле, на бледной коже казавшимися черными.

– Здравствуй, Леша! – Александров попытался придать своему голосу максимум теплоты, но, как ни старался, никакого сострадания к этому подонку, сажавшему на иглу подростков, а теперь вот хладнокровно прирезавшему, словно барана, своего сообщника, с которым вчера еще делил водку, постель и бабу, вызвать не смог.

– А... это вы... – чуть слышно прошелестел Клещ, разлепив сухие бескровные губы.

Глаза его опасно затуманились, зрачкиплыли. Видно бы-

ло, что Грушко балансирует на грани забвения и готов провалиться в беспамятство в любую секунду. Николай решил ковать железо, пока горячо, иначе могло оказаться поздно.

— Алексей, зачем ты сделал это?

В глазах Клеща мелькнуло непонимание, и Александров, вспомнив, что парня только что откачали и он вполне мог «заспать» недавние события, с досадой уточнил:

— Зачем ты убил Базарбаева?

Грушко приоткрыл рот и издал сиплый звук, похожий на придыхание. Николай вдруг с ужасом понял, что тот *смеется*.

— Чурка был слякоть, начальник. Он бы сдал всех, — неожиданно твердо, хотя и очень тихо, проговорил парень. — Князь бы тогда...

Капитан непроизвольно подался вперед, но Клещ, поняв, что проговорился, прервался на полуслове.

Выматерив себя мысленно за неосмотрительность, Александров снова начал:

— А себя зачем порезал?

Алексей с трудом повернул голову и снова упер глаза в потолок. Николай Ильич помолчал, не очень надеясь на продолжение, но Грушко неожиданно облизнул губы и прошептал, не глядя на собеседника:

— Слышь, капитан, раскрутись на дозу, а? Ломает всего... А я тебе все выложу, гадам буду, все равно мне хана!

Николай только открыл рот, чтобы ответить, как у Грушко

закатались под веки зрачки водянисто-серых глаз и он весь как-то сразу осел на койке. Испугавшись, что Клещ умер, капитан откинул простыню, чтобы найти пульс. Под простыней оказались ремни, которыми пациент был профессионально пристегнут к раме. Видимо, врачи знали свое дело.

Александров нажал кнопку срочного вызова, и через секунду в палату влетела толстуха-медсестра со шприцем на изготовку. Капитана мгновенно и не слишком почтительно вытурили...

* * *

Капитан Александров сидел, запершись в собственном кабинете, и остывал после начальственного «фитиля».

Разборка велась долго, умело и со вкусом. Непосредственный начальник Николая умыл руки, мудро посчитав, что заступаться за проштрафившегося подчиненного сейчас бесполезно – все равно капитана «дальше фронта не пошлют», – но положение усугублялось тем, что утром из Ферганы за своим земляком срочно прибыла целая делегация узбекских милиционеров, предъявить которым оказалось нечего... Если не считать бездыханного тела. Скандал набирал обороты, помаленьку выходя за пределы провинциального Хоревска.

Николай прервал грустные думы, плюнул и, махнув рукой на все и вся, поднялся и подошел к сейфу. Выговор обратно не вернешь, как ни крути – это из серии «мама, роди меня

обратно», а с Жоркой они вчера все-таки перебрали изрядно. Затылок наливался тупой болью, руки противно подрагивали, а желудок время от времени, видимо, ревниво считая, что хозяин постоянно про него забывает, и совершая игривые кульбиты, напоминал о своем существовании.

Александров вынул из облезлого железного ящика початую бутылку «андроповки», тщательно сохраняемую на подобный случай, и мутный граненый стакан. Закуска, естественно, отсутствовала напрочь. Разве что сжевать хилый, медленно угасавший на северном окне кактус...

Николай в красках представил себе, как он тщательно очищает ни в чем не повинное тропическое растение, и так оплакивающее свое незавидное положение, от колючек, и нарезает его ломтиками. Не удержавшись, капитан фыркнул, забыв на секунду о неприятностях. Ни фиги! Водичкой запьем, видывали и не такое. «С утра выпил – весь день свободен!» – ни к селу ни к городу вспомнился один из афоризмов покойного отца, практически не пившего, но подобных шуток-прибауток помнившего массу.

Процесс тушения горящих букс, к сожалению, был прерван в самом начале (вернее, еще до его начала), противным, как всегда в подобных ситуациях, телефонным звонком. Матюгнувшись не хуже подполковника Каминского – с трехэтажным заворотом и точным адресом того самого места, куда следовало спешно направляться звонившему, – Николай отставил в сторону сосуд с вожаделенной жидкостью и под-

нял трубку.

– Капитан Александров! – рявкнул он, постаравшись придать своему голосу максимум неприязни, чтобы невидимый собеседник сразу понял, что попал не ко времени.

В трубке испуганно пискнуло, и прорезался срывающийся девичий голос:

– Здравствуйте... Это Аня...

Слышимость была такая, будто неведомая Аня говорила минимум из Австралии.

– Какая еще Аня?!

В трубке озадаченно помолчали.

– Алехина... – наконец осмелилась произнести девушка.

В ноющей от боли голове капитана со скрежетом провернулись несмазанные шестеренки, с некоторой заминкой выбросив на поверхность памяти, мутной от так и незагашенного похмелья, информацию об Алехиной Анне Петровне, 1980 года рождения, русской... Стоп! Николай весь подобрался:

– Что у тебя, Алехина?

– Товарищ милиционер, – зачастила Аня. – Я только что узнала, что Леша мой...

В трубке раздалось всхлипывание. Похоже, девица настраивалась на длительный рев.

– Короче.

– Леша в больнице, а ко мне вчера этот человек приходил.

Александров напрягся:

– Кто приходил?

– Он и раньше бывал у нас. Леша его очень боялся. Он вообще-то никого не боится, но этот...

– Как его зовут?

– Леша не говорил, но я слышала, что он его князем называл. Я еще подумала: «Какой еще князь? Князья же при царе были».

Николай перебил девчонку:

– Ты где сейчас?

– Дома. Я от соседки звоню. Меня в больницу не пустили-и-и... – зарыдала в голос Алехина Анна Петровна. – Может, вы...

– Сиди дома, запишись и никуда не выходи. Я у тебя буду через десять минут.

Капитан положил трубку и в недоумении уставился на пустой стакан, зажатый в левой руке. Мыслями он уже был далеко от кабинета и еще далее – от бутылки, стоявшей на краю служебного стола.

* * *

На город опускались ранние сумерки. Капитан Александров второй раз за сегодняшний сумасшедший день приближался к городской больнице. Несмотря на оставленный Жоркиным пойлом солидный выхлоп, могущий сшибить с ног любого неподготовленного гаишника, пришлось все-та-

ки брать машину.

Слава богу, Анюта была дома, причем жива и здорова. Несмотря на волнение за своего ненаглядного Лешеньку, девица явно ждала капитана, так как приделась и накрасилась. Из-за кричащей, не слишком умело наложенной косметики она теперь казалась гораздо старше и уже мало чем походила на вчерашнюю зареванную соплюшку. К слову сказать, сегодня она была не в пример разговорчивее и толковее.

После нескольких пресеченных, впрочем, Николаем в зародыше попыток перевести разговор на судьбу злосчастного Клеща, Алехина довольно внятно описала загадочного Князя, его внешность и манеры. Подробно пересказала она и содержание недавнего разговора с ним. Особенно насторожил капитана тот момент, что, едва узнав о плачевном состоянии Грушко, Князь сразу же потерял к девушке всяческий интерес и мгновенно исчез, даже не подумав проститься.

Николай кинулся к соседке, но той уже не было дома. Как назло, больше ни у кого в подъезде телефона не оказалось. Помянув мысленно всех соседкиных предков до седьмого колена, а также заодно весь старый район города, где аппараты были редки, как жемчужины в известном месте, капитан кубарем скатился по лестнице и прыгнул за руль.

Везение сегодня окончательно отвернулось от Александра: выворачивая с улицы Куйбышева на Строителей, он едва не протаранил сияющий черным лаком борт чьей-то (но явно не простой) «волги». Хотя между ободраным бортом

«жигулей» и сверкающей высокопоставленной тачкой явно имелся солидный просвет, Николаю пришлось волей-неволей вылезать из-за руля и сбивать пыль разъяренного водителя синими корочками. Одним словом, к больнице он подъехал уже затемно, ибо мартовский день короток, а природа не расположена нарушать свои законы даже для работников правоохранительных органов.

Отмахнувшись тем же удостоверением от вахтерши, встревоженной клушей пытавшейся загородить проход в храм Гиппократы, капитан на одном дыхании взлетел на хирургический этаж и еще с лестницы убедился в наличии в конце пустынного коридора постового, по-прежнему безмятежно сидевшего у дверей палаты, где обретался Клещ. Николай прислонился к выкрашенной веселенькой серо-голубой казенной краской стене и перевел дух, стараясь унять сердце, явно пытавшееся покинуть опостылевшую за три с увесистым хвостиком десятка лет александровскую грудную клетку. «Да, капитан, – попытался иронизировать над собой милиционер, – нервишки-то лечить надо, да-а-а. И моторчик пошаливает... Придется, наверное, пореже к Жорке-то бегать, а?..»

Дыхание постепенно восстанавливалось, и Николай, оправив одежду, уже обычным шагом направился к реанимации. Сержант снова вскочил со стула, проклиная, видимо, в душе настырного капитана. «Забыл чего, что ли?» – так и читалось в укоризненных глазах парня.

Клещ находился на месте, то есть спал, отвернувшись к стене и укрывшись одеялом чуть ли не с головой. От двери Александров видел стриженный затылок со счастливой, по полузабытому детскому поверью, двойной макушкой. «А ведь и впрямь счастливчик, – подумал Николай. – И вены себе резал, и Князь этот страшенький к нему направлялся, а спит, засранец, как сурок».

Капитан вышел и, прикрыв за собой дверь, строго-настроено приказал постовому никого, кроме врачей и прочих медицинских работников, к арестованному не пускать. Он уже совсем направлялся к лестнице, когда от макушки (одинарной, то есть несчастливой, как и у подавляющего большинства) до пят его пронзила мысль: а каким таким образом Клещ сумел отвернуться к стене? Ведь он, капитан, отлично помнил, что Грушко был надежно прикреплен ремнями к раме койки. Неужели раззявы-врачи отвязали его? Это же...

Чуть не сшибив с ног сержанта, так и не успевшего усесться на свой табурет, Николай ворвался в палату и кинулся к койке. Мгновение – и казенное одеяло отлетело в сторону.

Арестованный Грушко Алексей Федорович, 1979 года рождения лежал по-прежнему на спине, так же как и раньше крепко пристегнутый ремнями к кровати. Однако широко открытые глаза его теперь уставились в грязно-голубую стену, будто любуясь похожим на старинную географическую карту узором трещин на бугристой краске. Клещ был давно и безнадежно мертв, тонкая его шея безжалостно свернута...

Князь каким-то шестым чувством почувствовал чужое присутствие за спиной.

Он еще не понял, кто именно за ним идет, профессионально или нет пасет, представляет ли угрозу вообще, но сразу интуитивно начал отрабатывать хвост и уже через несколько минут точно знал, что двое преследователей – настоящие дилетанты, никакие не филеры, а совсем даже наоборот... Они не следили за ним, то есть не производили, говоря на профессиональном жаргоне топтунов, наружного наблюдения, а попросту ломились нагло и тупо, скорее всего стремясь загнать куда-то, где ждет засада из таких же тупиц, и «опустить», по привычке дворовой шпаны, неумностью и жестокостью своей одинаковой во всех мирах и временах.

Князь скупно улыбнулся. Если бы эта парочка, висящая у него на хвосте, знала, в какой именно карамболь влипает...

Но, как ни крути, просвещение придурков никогда не входило в число его любимых занятий, а альтруизмом он, увы, не страдал вообще. Как и приступами жалости.

Серепан, вожак шайки молодых парней, едва-едва достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, срисовал жертву еще в центре города. Башка трещала после вчерашнего (хотя вчерашнего ли, если едва смогли

очухаться в шесть вечера) перепоя, а хилых «бабулек», которые удалось наскрести по карманам у всех четверых, едва хватило на бутылку какой-то бормоты с гордым названием «Узбекистон портвейна», что по-русски означало более привычное: «Портвейн узбекский», и поэтому настроение было довольно сумрачным.

Заплутавший себе на горе лох был прикинут с нездешней элегантностью (собственно, и слова-то такого Серепан, он же Сальников Сергей Николаевич, девятнадцати лет от роду, с грехом пополам окончивший восьмилетку в Адляне, об уральской колонии для малолетних понятия не имел, но определил интуитивно) и к тому же совсем не производил впечатления богатыря. «Опустить» такое чмо для четверки экрановских, то есть живших в районе кинотеатра «Экран», парней, младшему из которых скоро исполнялось четырнадцать, а старшим был Серепан, не составляло никакого труда. Главным вырисовывалось одно соображение: где?

Вожак быстро принял решение вести мужика до старого района, где в это время суток почти безлюдно, благо тот вроде бы именно туда и направлялся. Посовещавшись, парни быстро разделились. Двое пошли за жертвой, а Серепан с Акулой – здоровым, туповатым увальнем (чуть ли не дауном), представлявшим для главаря интерес только своей физической мощью, рванули дворами вперед.

Оставалось только надеяться на то, что интеллигент не свернет куда-нибудь. Согласно плану, в этом случае «хвост»

должен был поднять шум и задержать его до подхода главных сил. Процедура грабежа, то есть действия, подпадающего под сто сорок пятую статью УК, чтимого «великолепной четверкой» не слишком свято, была отработана до мелочей, и проколов практически не случалось.

В томительном ожидании прошло минут пять. Наконец из-за поворота донесся стеклянный хруст подтаявшего за день, но прихваченного вечерним морозцем снега, многократно усиленный отражением эха от стен сталинских двухэтажек, теплившихся редкими и плотно зашторенными окнами. Неразбитый фонарь здесь был только один, да и тот тускло светил метрах в ста пятидесяти от места, где в густой тени притаились двое.

Завидев спокойно шагавшую жертву, Серепан и Акула не торопясь вышли на свет, если полутьму позднего мартовского вечера можно было так назвать. Судя по учатившемуся хрусту шагов за спиной мужика, двое преследователей-затормозивших затормозились. Кольцо вокруг ничего не подозревавшего прохожего сжималось.

Серепана несколько насторожило то, что мужчина совершенно не испугался на первый взгляд внезапно возникшего препятствия и остановился, только вплотную подойдя к парням.

– В чем дело, молодые люди? – вежливо начал он. – Чем могу служить?

Повисла неловкая тишина, нарушаемая только скрипом

ледышек под ногами подошедших сзади Коши и Лаптя, переминающихся в нерешительности с ноги на ногу. Вожак, считавший себя матерым уголовником, решил форсировать события и, мастерски сплюнув под ноги интеллигенту, заявил:

– Не бухти, козел. Гони башли!

– Что-что?

– Бабки гони, не понял, что ли? Деньжата! – Костлявый кулак главаря оказался прямо под носом жертвы, демонстрируя неумелую наколку.

– Зачем же так грубо? – Прохожий полез в карман пальто левой рукой, на которой тускло блеснул металлический браслет часов. – Я и так отдам все, что вы пожелаете.

От демонстративной покорности жертвы Серепан моментально обнаглел и шагнул еще ближе.

– Котлы ⁵ тоже снимай, петух!

Мужик пожал плечами и сунул свободную правую руку за обшлаг рукава. Все налетчики столпились вокруг, вытягивая шеи. Такого легкого дела, без шума и напряжения, у них еще не случалось!

Дальнейшего развития событий никто из грабителей не предвидел.

Жертва вдруг каким-то кошачьим движением отшатнулась, одновременно совершив широкое размашистое движение правой рукой, в которой тускло блеснуло что-то стремительное...

⁵ Часы на воровском жаргоне.

Коша, а попросту Кошкин Паша, самый младший в компании, изумленно увидел, как интеллигент, который еще мгновение назад казался подавленным и покорным, резко взмахнул правой рукой и тут же рухнул сверху на почему-то упавшего Лаптя. Самым страшным было то, что отделилось от плеч Серепана и темным мячом запрыгало прямо к ногам оцепеневшего парнишки.

Теряя сознание от мертвящего ужаса, Паша внезапно понял, что этот непонятный темный предмет – голова.

Он завизжал на невыносимо высокой ноте, повернулся и на ватных, подгибающихся ногах кинулся бежать, не обращая внимания на что-то горячее, струившееся по ногам...

«Это сон! Это сон! Это все мне снится... – перепуганным воробьем колотилось в его голове. – Сейчас мама разбудит, и все...»

Князь пружинисто, как дикий кот, вскочил с тела своей жертвы, привычно вытирая дымящийся на морозе клинок об ее одежду. Двое нападавших лежали чуть в стороне, еще конвульсивно подергиваясь, причем у того, который повыше (Князь с удовлетворением отметил, что еще не потерял сноровки) отсутствовала голова. Третий без движения (потребовался всего лишь один точный, анатомически выверенный удар) скорчился у ног, а четвертый, визжа от ужаса, удалялся, пьяно раскачиваясь из стороны в сторону. Князь еще раз усмехнулся, подкинув, перехватил нож за лезвие и, хладнокровно отпустив жертву на оптимальное расстояние, широко

ко размахнулся...

Паша, спотыкаясь ставшими вдруг непослушными ногами, успел пробежать, завывая, еще несколько метров, пока что-то твердое не швырнуло его страшным ударом между лопаток вперед, на жесткий, обдирающий лицо до крови наст, напрочь вышибая дыхание и саму жизнь.

* * *

Князь, словно пасьянс, раскладывал перед собой на дрянной, давно потерявшей первоначальную расцветку и прорезанной в сотне мест кухонной клеенке добычу.

Собственно, добычей это все можно было назвать с большой натяжкой, скорее, сувенирами – потрепанная бордового цвета книжица с разлапистым, похожим на краба, гербом на обложке, гордо именуемая здесь паспортом, мало отличающаяся по внешнему виду от записной, содержание которой составляли в основном блатные стихи и чьи-то телефоны, складной нож, годный только для открывания бутылок и консервных банок, финка примерно такого же качества (из бочечного обода ее сделали, что ли, – лезвие гнется, как... как не знаю что!) да кастет, легонький, грубый, явно на руку подростка. И с таким вот барахлом эти недоумки пошли на гоп-стоп? Да их бы любой калека без рук без ног разогнал!

Самого-то главного, местных денег, которые были сейчас ох как необходимы Князю, в карманах налетчиков, сей-

час уже, наверное, остывших, не оказалось ни гроша. В том смысле, что вообще не было. Ни одной паршивой копейки, на которую здесь, правда, даже коробка спичек не купишь. Конечно, именно от безденежья местная шпана и пошла на дело, чего он хотел? Но чтобы вот так...

Князь в сердцах сгреб весь мусор в ящик стола и прошелся по комнате, прикуривая от спички паршивого вкуса сигарету без фильтра или даже мундштука из мятой ржаво-красной бумажной пачки, найденной в кармане главаря. Надо же, «Прима»! Ну и самомнение у местных табачников! Еще бы каким-нибудь «Люксом» назвали или «Абсолютом»!

Все складывалось как-то наперекосяк, не так, как думалось вначале, в эйфории от удачного избавления из лап ищек. Слишком поздно, уже разделившись с этим недоумком Клещом, сообразил Князь, что это последний из тех, к кому он мог здесь обратиться за помощью. Пасечник, кому Клещ толкал золотишко, ценящееся тут необычайно высоко и, как ни странно, запрещенное к обращению в любом виде, кроме ювелирных изделий, давно мертв, на местный криминал выходить опасно – вряд ли они любят чужаков, пасущихся на их территории, – либо сдадут властям, либо... Колун, изучивший тут все ходы-выходы, далеко, за проклятой дверью, никак не желающей отворяться скоро уже месяц... А все проклятый шпик, просочившийся следом за Князем сюда, на эту сторону. Видимо, он каким-то образом и расстроил не понятный никому механизм этой двери..

Князь оперся на холодный (Из мрамора они их тут делают, что ли? Деревя не хватает?) подоконник, уставясь в темноту ночи. Снег, заставший его еще на улице, теперь валил густо, крупными хлопьями, будто стремясь наверстать отыгранные весной очки. Это ему и на руку: к утру покойников, если на них какой-нибудь остолоп еще не наткнулся, заметет так, что ни одна ищейка не найдет. Оттают, когда снег полностью сойдет, а тогда, возможно, его вообще здесь не будет...

Нет, на дверь надеяться нечего. Можно год тут просидеть и ничего не дожидаться, а может быть, и больше... Валить нужно из города, добыть денег и валить. Неужели он, Георгий Кавардовский, не найдет чем заняться в этом мире, столь непохожем на прежний? В мире, где нет ни полиции, ни жандармов (местная милиция – сосунки по сравнению с волкодавами с «того света»!), где золото – запретная и вожаделенная ценность, а наркотики можно найти чуть ли не на каждом шагу... Где в ходу – а это главное – такие вот паспорта...

Князь еще раз презрительно перелистал темно-красную книжечку. Никаких скрытых систем защиты, никакой специальной краски, никаких магнитных вставок. Обычная печать, черно-белая фотография, приклеенная каким-то паршивым клейстером, уже, кстати, наполовину отошедшая, металлические скрепки (не поверите – ржавые!), элементарный водяной знак... Качество даже хуже, чем у местных денег, которые даже сами аборигены презрительно называют деревянными. Что же должно было произойти в этой России, ес-

ли рубль – крепчайшая валюта мира – выродился до такой степени, что ему предпочитают любые другие цветные бумажки, вплоть до презренных североамериканских долларов и совсем уж невероятных финских марок? Хотя политика-то Князя никогда по-настоящему не интересовала.

Паспорт все не давал покоя. Вспомнить, что ли, прошлое? Рука вроде пока твердая... А краски, а бумага? Нет, до того, как будут установлены необходимые связи, и браться нечего. А пока сойдет и этот, если над ним пару вечеров поколдовать...

Подцепив ногтем отошедший край фотографии, Князь осторожно отодрал квадратик плотной глянцевой бумаги и с усмешкой провел ногтем по тонкой шейке коротко стриженного паренька, испуганно выпучившего глазенки в объектив. Да, удар был все же неплохой!

Куда же подевался этот сыщик? Словно сквозь землю провалился. Это не есть гут, как говаривал один знакомый немчик. Не вернулся же он тогда в родной мир? Он и дороги-то к тому дому не нашел бы – разве чудом каким-то. Не мог жандарм, реалист до мозга костей, как здесь выражаются, въехать в ситуацию, поверить разом в то, что очутился совсем в ином мире. Он, Георгий Кавардовский, в безоблачном детстве зачитывавшийся всякими фантастическими приключениями, и сам-то долго не мог поверить, когда Колун, каторжная шестерка, божась через слово, рассказывал про это чудо. Поверил, лишь увидев самолично и испытал...

В лучшем случае, поди, прячется где-нибудь, а в худшем... В худшем-то получается совсем плохо. Попади он в руки местным – не важно, блатным или легавым, – ниточка может потянуться к нему, Князю. Ну легаши-то, конечно, не поверят – такие же твердолобые, как и везде, – в желтый дом упекут, и все, а урки? Колун-то кое с кем тут связывался и кроме Клеща с Пасечником покойным, упокой, Господи, его еврейскую душу... Да и за Клещом-то кто-то наверняка стоял. Не мог пацан сопливый такие дела проворачивать, никак не мог, не та масть... Надо девку его пощупать. Как там ее – Анютка, что ли? Не в прямом, конечно, смысле – щупать-то там нечего, соплячка худосочная, а вот знать тут кого-нибудь из блатных может вполне... Да вообще-то и как баба сгодится. Он же Князь, а не монах – третью неделю без женщины... Скоро, как Колун, на пацанов начнет заглядываться...

Кстати, о легавах: прикормить бы какого-нибудь пожаднее, смотришь – наладилось бы и с документами, и с деньжатами. Надо это обмозговать на досуге. А пока – спать!

Какое-то царство серого цвета...

Редкие автомобили невзрачной расцветки, ковыляющие по дрянной мостовой – старомодные, заставляющие вспомнить о золотых семидесятых; малолюдные днем улицы, оживающие только два раза в сутки: утром около восьми и вечером около шести. В эти часы их заполняют огромные толпы серых, однообразно одетых людей. Поутру людской поток понуро бредущих словно на эшафот одинаковых, как близнецы, жителей стремится в одну сторону, туда, где за невысокими кирпичными стенами с колючей проволокой поверху скрываются заводы (прошагав однажды в общем потоке до того места, где толпа вливалась в одноэтажный домик со стеклянными дверями, прилепившийся к кирпичному забору, Петр Андреевич разглядел лаконичную вывеску под стеклом: «Ремонтный завод, г.Хоревск»), вечером, заметно повеселев, – обратно домой... Все как в запрещенных на территории Империи книгах англичанина Оруэлла, читанных еще во время учебы, по специальному допуску. Город всеобщего счастья...

Черт, что же это за край такой? Слава богу, люди вроде бы одеты так же, как и в России, не выделяешься на их фоне... Ерунда, это ведь и есть Россия, вот только какая?

Городок, конечно, еще более съезжился, стал как-то ниже,

грязнее, неухоженнее, что ли, если можно так выразиться. Но вот электростанция – на прежнем месте, даже труб у нее столько же. Нонсенс. Больше – никакого сходства!

Где многоэтажные дома новостроек? Где вычурные, «Алексеевский ренессанс», особнячки нуворишей, фарфоровых и мучных королей, занимавшие целый квартал? Где наконец монументальное, позапрошлого века, здание городского Дворянского собрания – первая достопримечательность Хоревска? Где на центральной площади перед Городской думой памятник благодетелю города Алексею Второму, при котором он и расцвел? Там и Думы-то нет... Только какое-то невзрачное трехэтажное зданище с фасадом, украшенным огромным мозаичным портретом лысоватого лобастого мужчины с плутовским прищуром и интеллигентной бородкой а-ля Чехов, выдержанным в красно-багряных тонах. А еще – громадный, метров десять высотой, серый бетонный памятник той же вроде бы личности на кирпичном пьедестале, выполненном в виде длинной трибуны. И всюду эти выцветшие и ярко-красные флаги разной степени ветхости: где с синей полосой по древку, где просто красные с золотистой эмблемой сверху... Серое и красное...

Петр Андреевич разглядел эту эмблему подробно в центре какого-то значка варварской формы, отдаленно напоминающего привычные полковые, изображенного возле названия пожелтевшей газеты, найденной в новом убежище.

Знак, – что-то вроде венка из колосьев, наложенного

на зубчатое колесо и увенчанного знаменем с литерами СССР, – помещался рядом с другим, похожим, но с профилем того же лысоватого субъекта и надписью на знамени ЛЕНИН. Скрещенные серп и молоток – масонская эмблема, не иначе, особенно если учесть пятиконечные звезды-пентаграммы, щедро рассыпанные везде и всюду – от фасадов домов и решеток оград до обложек журналов и почтовых карточек, выставленных в газетных витринах. Даже на пустом спичечном коробке, который ротмистр, оглянувшись, подобрал на снегу, была изображена красная звезда с той же эмблемой в центре под лаконичной надписью: «23 февраля».

Да и сами-то газеты: упомянутый уже «Челябинский рабочий», «Правда», какая-то еще «Комсомольская правда», «Ленинское знамя», «Труд», «Советский спорт» с теми же и другими знаками перед заглавиями... Даже «Красная Звезда», посвященная, видимо, будням местных военных, но, увы, Чебрикову попал в руки только ее обрывок... Единственное знакомое название – «Сельская жизнь», да и то не знакомый гляцевый журнал о жизни помещного дворянства, а черно-белая газетенка на плохой бумаге все с теми же знаками. А заголовки статей и рубрик? «Вести с полей», «Человек труда», «Международная панорама», «Трудящиеся всего мира встречают юбилей...» А совершенно дикая орфография? Неужели он не болен, не бредит, а попал в самую настоящую утопию Томаса Мора, Томазо Кампанеллы, Роберта Оуэна или Карла Маркса? У руководства страной – ра-

бочие и крестьяне, дворянства и купечества нет и в помине, страшно подумать— сам Государь...

— Под ноги смотри, козел! — Вырвал Чебрикова из задумчивости визгливый голос какой-то женщины с огромными кошелками. — Зальют zenки с утра пораньше и шлятся, ту-неядцы.

Совершенно плебейский тип: одутловатая темно-красная в синеву физиономия, какое-то невообразимое серо-бу-ро-малиновое пальтецо, раздутое на необъятных бедрах и не менее обширном бюсте, бесформенная вязаная шапочка-берет, кожаные сапоги на каблуке... Не иначе — представительница пролетариата, управляющего страной. Неудивительно, что страна выглядит настолько убого.

А цены? Вы бы только видели цены в магазинах с почти пустыми витринами! И везде таблички: «По талонам». Какие талоны? Что это такое? Пресловутый коммунизм по этому еврейскому экономисту Марксу? Или коммуна по Оуэну? А может, «Город Солнца» по Кампанелле?

Чебриков вздохнул и длинно сглотнул голодную слюну, глядя на витрину очередной продуктовой лавки с лаконичным названием «ХЛЕБ». Хоть бы вон тот сероватый рога-лик или страшную с виду буханку хлеба — вторая неделя как иссияк скудный сухой паек, обнаруженный в одном из карманов куртки-самобранки. Дней восемь как вообще не ел человеческой пищи, только какие-то полусгнившие овощи, выкопанные из-под снега в огороде, терпкую рябину и вяжу-

щие во рту мелкие яблочки-ранетки, забытые на деревьях в окрестных садах... Страшно сказать: на кота-Шаляпина поглядывал уже не только с эстетическим, но и с гастрономическим интересом! Обойму патронов из «вальтера» извел на голубей, благо глушитель имеется, но охота не оправдывает себя: патронов маловато, а с чем он еще здесь столкнется – неизвестно. Или оставить всего один – напоследок...

«Прекрати, тряпка! – скомандовал себе ротмистр, решительно отходя от заманчивой витрины. – Не на необитаемом же острове в самом деле! Вспомни ту операцию в Виргинии: там небось круче приходилось!»

«Круче не круче, а там все было понятно: тут мы – тут янки! – встрял какой-то посторонний голос. – И никаких там политесов: что видишь – твое, по вечному закону войны... А здесь? Тоже по закону войны поступать? Как Кавардовский?»

«Ни в коем случае!...»

Ну все – начал спорить сам с собой – считай, поплыл... Как же есть-то хочется! Полный карман денег – в том, привычном, Хоревске автомобиль мог бы купить запросто, и не дешевый, а здесь... Хотя бы внешне походили имеющиеся в наличии монеты и бумажки на здешние! Так нет: все не так – и размеры и цвета.

Петр Андреевич выудил из кармана подобранную на улице (обронил, видать, кто-то) тускло-серую монетку, явно не серебряную, а из какого-то белого сплава. «15 копеек 2001»

– видимо, год выпуска. Размером походит на привычный пятиалтынный, но лишь размером, а изображения совсем нете... Вместо двуглавого орла – разлапистый, напоминающий краба герб в виде земного шара, окруженного венком из колосьев, густо переплетенных лентами, и та же загадочная аббревиатура СССР внизу. Не стоит и упоминать, что поверх земного шара распластался тот же символ – скрещенные серп и молоток. Эх, еще бы купить можно было что-нибудь на эту денежку!

В голове сам собой начал складываться список продуктов, которые на пятнадцать копеек ротмистр Чебриков мог бы приобрести в настоящем Хоревске: хлеб, молоко, шоколад или что-нибудь мясное, сто граммов водки... Тягучая слюна переполнила рот и, оглянувшись, не видит ли кто, граф точным плевком отправил излишки в замусоренную железную урну. Слава богу, хоть на этом ржавом ящике на шарнирном креплении свою эмблему не приварили!

От неожиданно раздавшегося над головой рева мощных двигателей ротмистр присел и привычно завертел головой: а ну как шарахнет ракетой...

Самолет, пронесшийся почти над самыми крышами, ничем не шарахнул... Мощный реактивный истребитель типа «Горыныча» самолето-строительного концерна «Дукс», хищный, с двумя высокими киями, произвел на пробудившегося в Петре Андреевиче военного гораздо больше, чем виденные на улицах автомобили.

Не вяжется как-то: самые современные самолеты и пустые прилавки. Может быть, какая-нибудь иностранная оккупация? Нет, на крыльях и фюзеляже те же звезды.

Видение, почти фантастическое на фоне окружающей убогости, слегка притупило голод, но, как только летающая квинтэссенция передовой инженерной мысли скрылась за домами, желудок сразу напомнил о себе.

Хотя бы банальный бутерброд: ломтик черного хлеба, намазанный маслом и украшенный...

Все, хватит о съестном! Где же взять местных денег? Банк ограбить, что ли? Так не встречал ведь еще ни одного... Может быть, пройтись на рынок?

Рынок в здешнем, потустороннем Хоревске располагался на месте церкви. Рынком в прямом понимании назвать его было трудно: невысокий, красного кирпича забор с башенками а-ля Кремль по углам, навевающий мысли о каком-то фортификационном сооружении (подобными заборами здесь, как оказалось, были окружены все промышленные предприятия, что-то обширное, но невысокое, невидимое из-за ограды, с интригующим и лаконичным названием «База», и даже электростанция), металлические решетчатые ворота... Казалось, местные купцы... тьфу, нет ведь здесь никаких купцов, готовились от кого-то держать оборону. От степных кочевников к примеру. А что? Ротмистр несколько не удивился бы, если бы здесь кроме утопическо-масонского государства отыскалась бы степная орда, регулярно со-

вершающая набег на города. Тогда население, организованно укрывшись за кирпичными стенами... Нет, не клеится! В этом случае должна существовать стена и вокруг всего города... К тому же самолеты... Да и невысоки стенки-то. Умелый всадник легко перемахнет, если скакун привычный, не деревенская кляча.

Глаза ротмистра слегка затуманились при одном воспоминании о верном Хазаре, ахалтекинце чистых кровей, оставленном в Петербурге. Как он там сейчас?..

На вывеске местного рынка красовались те же серп с молотком и звездой и надпись «Хоревский колхозный рынок». Второе слово было, мягко выражаясь, странным, но что делать? Подобными несуразицами здесь наполнено все. Петр Андреевич решительно ступил под гостеприимную арку...

* * *

Торговля была удручающе скудной: всего несколько рядов грубо сколоченных прилавков из потемневшего от непогоды дерева с такими же грубыми навесами, заполненные торговцами едва ли на треть, причем товары были не менее убоги, чем окружающий пейзаж... Пробовать продукты, куркули деревенские, тоже не давали, исподлбья наблюдая за странноватым покупателем, с унылой миной разгуливающим между рядами.

Урчание в животе от вида недоступного съестного только

усилилось, и тогда Петр Андреевич, чтобы не бередить себя, испытывая танталовы муки, решил навестить вещевые ряды.

Здесь торговля кипела: были заняты не только все прилавки, точно такие же как и продуктовые, только без навесов (интересно, а дождь их что — не мочит?), но и грязный снег вокруг, застеленный тряпьем всевозможных цветов так, чтобы оставить только узкие проходы для покупателей, которых было чуть ли не в десять раз больше, чем продавцов. Продавалось и покупалось все, начиная от совершенно новой одежды с неоторванными еще фабричными ярлыками, довольно красивой фарфоровой, фаянсовой и керамической посуды и запчастей, по виду автомобильных, до сущего барахла типа старых помятых чайников и явно отвернутых где-то в подъездах выдавших виды дверных ручек. Всякого рода электродетали, лампочки, аляповатые шкатулки, шестеренки и подшипники, копилки в виде кошек и поросят рядом с живыми, едва прозревшими пискливыми котятками сомнительной родословной в старой меховой шапке, разномастные непарные туфли, слесарный, устрашающего вида и навевающий мысли о средневековой инквизиции инструмент... Какой-то чернявый смуглолицый паренек в вязаной шапочке, натянутой по самые глаза, толкнув будто невзначай плечом, вполголоса, глядя куда-то в сторону, предложил «шмаль»... Похоже, здесь ротмистру Чебрикову делать было вообще нечего. Пора домой, нагулялся...

И вдруг граф замер с поднятой ногой. Что-то знакомое

почудилось ему на прилавке перед только что пройденным продавцом. Вот оно!

На грязно-зеленой холстинке, похоже, лоскуте от какой-то военной одежды, дослужившей до обтирочного материала, среди разнообразных значков и монет, разложенных рядками и насыпанных в круглую жестянку вроде коробки из-под леденцов-монпансье, выделялся большой серебряный рубль с двуглавым коронованным орлом...

* * *

Не чуя под собой ног, Петр Андреевич летел домой, сжимая в руках два наполненных под завязку пластиковых пакета с ручками (а удобно, кстати, придумано, нужно будет запомнить!), украшенных какими-то аляповатыми рисунками, причем на одном – та же красная пятиконечная звезда с серпом и молотком и еще одна непонятная аббревиатура ДОСААФ.

В пакетах была самая разнообразная снедь: куриные яйца, поштучно завернутые в клочки газеты, и сметана в закрытой бумажной крышкой стеклянной банке, сырая ошипанная курица (нужно будет запечь в золе!) и полведра замечательной картошки, домашний творог и баночка с медом... Не забыть про бутылку какой-то непонятной «Столичной» водки (продавец клялся-божился, что она почему-то «не паленая»), купленную из-под полы у какого-то разбитного небри-

того мужичка в плоской кожаной кепке, когда-то синей стеганой куртке, распахнутой на голой груди, защитного цвета брюках-галифе, заправленных, правда, не в сапоги, а в какие-то обрезанные чуть ли не по щиколотку валенки... Только хлеб и соль пришлось купить в магазине у скупающей толстой продавщицы, равнодушно читающей за прилавком какую-то растрепанную книжицу, на мягкой обложке которой полубогаженную красотку страстно обнимал жгучий латиноамериканский мачо.

И все это богатство – за обычный серебряный полтинник! Нужно было видеть, как загорелись глаза у пожилого очкастого торговца, только что дремавшего с открытыми глазами – у его прилавка покупателей что-то не наблюдалось вообще, – едва он завидел шлепнувшуюся перед ним на тряпку монету. Каким-то шестым чувством Чебриков вмиг уловил, что это – коллекционер из завзятых и его уже просто так не отпустит. Услышав цену и сопоставив ее с цифрами, только что виденными на ценниках, граф, словно заправский биржевой маклер, смело поднял ее впятеро и тут же понял, что продешевил: нумизмат – так, вроде бы, называют сдвинутых на всякого рода медяках – тут же вытащил из-за пазухи ворох мятых купюр, отсчитывая требуемую сумму...

Теперь жить стало веселее, особенно если принять во внимание еще не менее четырех-пяти десятков кругляков разного достоинства, побрякивающих в кармане! Там даже памятный рублевик есть – к десятилетию правления его импе-

раторского величества Николая Александровича. Наверняка еще дороже обойдется. Это если не считать двести пятьдесят рублей золотыми пятерками и десятками в бумажнике. Эх, жизнь моя жестянка, как говорят блатные! А еще стреляться хотел не далее чем утром, идиот малахольный!

А это что? Книжная лавка? Может, найдется что-нибудь по истории этого проклятого, перевернутого вверх тормашками мира?

* * *

Пенсионер Колосков тоже летел домой словно на крыльях, едва дождавшись ухода странного прохожего, продавшего странную монету буквально за копейки, чтобы покидать в выдавшую виды сумку свое барахлишко.

Егор Кузьмич считался в городе нумизматом со стажем, хотя в последнее время был вынужден потихоньку распродавать свою коллекцию по причине черных времен, наступивших после кончины дражайшей половины, Елизаветы Александровны, прошлой осенью, да и вообще... По мерзости жизни, не располагающей к занятию нумизматикой и прочими возвышенными материями... Продавал на барахолке он, конечно, всякую ерунду: сердце кровью обливалось трогать самое ценное, собранное с огромным трудом и напряжением всего семейного бюджета в относительно сытые доперестроечные годы. Жорка Конькевич, Борода, давно уже зуб точит

и на рубль Иоанна Антоновича, и на сибирский пятак 1763 года с гуртовой надписью, и на пробный никелевый пятидесятикопеечник 1916-го... Нет, пока с голоду еще не поми-
рает, шиш ему, шустрому!

Что же за невидаль сегодня с неба свалилась? Серебро – это точно, не обманка какая! Серебряный полтинник. Никакой это не новодел, это просто так, чтобы лоха провести, Кузьмич плел странному мужику окоlesiцу. Не на коленках делан, видно качество за версту. Для специалиста, конечно... Эмигрантский выпуск? Похоже на то. Откуда в России мог взяться Александр IV, да еще бритый, похожий на актера Броневого, Мюллера из «Семнадцати мгновений»? Да и дата «1989»! Только эмигранты на такое могли отважиться... Уж не знаю, как в Союз попала такая вещь. Вещь «тяжелая»... Надо будет к Жорке наведаться.. Как там его телефон рабочий: 34-45 или 45-34? А, ладно, спрошу, язык не отвалится...

Телефонный звонок оторвал Николая от листа дрянной серой бумаги, девственную чистоту которого он, покрывая строчками насквозь казенного содержания, с переменным успехом пытался нарушить уже целый час. Нельзя сказать, чтобы на этот раз капитан не был рад перерыву в работе. Писал-то он вовсе не сочинение на тему: «Где я провел лето», а рапорт по поводу безвременной, причем явно насильственной, кончины уже второго фигуранта по «опиумному делу».

— А не ты ли сам ему шейку-то цыплячью свернул, Александров? — спросил с нехорошей такой усмешечкой Каминский, когда, выплеснув все имеющиеся запасы сквернословия на то краснеющего, то бледнеющего опера, отпустил было его восвояси.

Именно эта усмешечка и не давала покоя Николаю. «Опиумное дело», естественно, забирали в область, а то и выше, а капитана Александрова, как оказавшегося неспособным обеспечить безопасность фигурантов и тем самым практически заведшего следствие в тупик, от него соответственно отстраняли. Что ж, не впервой. Осталось лишь формальности соблюсти.

Формальности как раз сегодня давались с трудом. Что-то мешало закончить, как обычно, казенную отписку, что-то грызло, словно червячок-древоточец, по ошибке приро-

ды забравшийся в вовсе не ему предназначенную среду. Никак не давала покоя кличка Князь, не слышанная еще ни разу... Чем-то веяло от нее странным и непонятным. Ну Крест какой-нибудь, ну еще что-нибудь короткое и увесистое, но Князь... Положим, от фамилии Князев или Княжко происходит – это возможно. Но, товарищи, маловероятно, чтобы уголовники, люди не без юмора и здравого смысла, дали такую, мягко выражаясь, громко звучащую кличку какому-нибудь обычному гопнику... Судя по погонялу, зверек обрисовался не из мелких... Причем с зубками отнюдь не маленькими. Головенку-то засранцу свернул одним движением, не откручивал: судмедэксперт сказал, как отрубил, без вариантов. Что-то нехорошее здесь вырисовывается.

Занятый своими мыслями, капитан совсем забыл про рапорт и поэтому, услышав телефонный зуммер, с готовностью, если не сказать с радостью, отложил шариковую ручку, хоть и новую, но с уже погрызенным от литературных потуг полистироловым колпачком, и поднял трубку.

– Александров.

– Привет, Коля, как дела? – затараторил в мембране знакомый захлебывающийся голос. – Ты вечером свободен сегодня? У меня тут...

Жорка, зараза. Опять, поди, какой-нибудь сабантуй намечается с присутствием прекрасного пола, а от Александрова, как обычно, требуется «горючее» в первую очередь, а во вторую, естественно, это самое... Ну, понятно что...

– Вполне... – рассеянно ответил Николай, но тут же спохватился: – Но предупреждаю сразу...

– Да ты не понял, Коля! Ты, это... – снова зачастил Конькевич. – Ты просто так приходи...

«Про мои проблемы узнал, что ли? – подумал Александров. – Откуда?»

– Зайду, конечно. Уговорил. С собой-то взять что-нибудь?

– Как хочешь... Главное – приходи, не забудь, я жду.

Николая словно обожгло: за вчерашний день, наполненный треволнениями, и сегодняшнее хмурое во всех отношениях и ракурсах утро он совсем позабыл о загадочном червонце, тьфу, империале этом. Видимо, Жорка уже что-то надывбал, однако не говорит напрямую, конспиратор хренов, стережется. Хотя вообще-то правильно стережется: телефоны вполне могут прослушиваться – не в бане, чай, установлены!

– Ладно-ладно, жди после восьми. Закуску готовь! – как можно жизнерадостнее закончил он. – Все, отбой, дела поджимают.

Осторожно опустив треснутую и замотанную синей изолентой трубку на рычаги своего старенького городского, Николай еще долго смотрел на него, не торопясь возвращаться к писанине. Дела, конечно, не поджимали...

Телефон, стоящий рядом с городским, в свою очередь взорвался длинной трелью. Господи, ну не сейчас...

– Александр...

– Сидишь, Александров, пишешь, писатель х...? – ехидный, как обычно, голос Каминского сейчас прямо-таки источал яд. – Живо вниз, машина тебя ждет... Пять секунд тебе!

– А что...

– Убийство на Парковой. Групповое. Все в загоне – один ты у нас свободен... Словом, даю тебе шанс реабилитироваться. Живо, живо...

* * *

Под утро выпал обильный снег, поэтому трупы обнаружили далеко не сразу. Неизвестно сколько народу озабоченно пробежало утром на работу по ведущей к электростанции улице, совершенно не обратив внимания на небольшой сугроб, наметенный за ночь.

Внимательнее всех оказалась, как ей и полагалось, собака – старенький пуделек, принадлежавший одной из жительниц соседнего дома, жавшийся теперь к ногам насмерть перепуганной старушки. Хозяйка имела явное сходство с капустным кочаном из-за напыленного по причине утреннего морозца целого вороха каких-то ветхих поддегачек и поверх них облезлой шубы, давно потерявшей всякое сходство с роскошной зимней одеждой, обычно называемой этим словом.

– Мурзик, вот он, утром на двор захотел, я его и вывела, – вещала пенсионерка, оказавшаяся Кораблевой Марией Вла-

димировной, 1932 года рождения. – Он побегал, побегал, отметился по своим углам, да и сюда вот меня потащил...

Песик с таким несобачьим именем, обратив к Александру мордочку с то ли гноящимися, то ли плачущими глазами, тихонько завыл с подвизгиванием, словно подтверждая слова хозяйки.

– Подбежал и давай снег копать. Я думала сначала, что он косточку какую нашел, хотела его оттащить... Он, знаете, с полмесяца назад гадость тоже какую-то в сугробе раскопал, слопал – потом дня три животом маялся. И тошнило его, и поносил, миленький мой...

– Пожалуйста, не отвлекайтесь, Мария Владимировна, – попросил капитан, пытаясь отогреть дыханием замерзшую на не по-мартовски жгучем морозце пасту в шариковой ручке.

– Вот я и говорю... Подбежал и давай снег копать. Я его тяну, а он – ни в какую. Вцепился во что-то, рычит. Думаю: отберу, нагнулась – глядь, а там рукав кожаный от куртки... Вещь хорошая. Я за него – а там рука, белая-белая...

Мария Владимировна сама вдруг побелела, несмотря на мороз, только что румянивший ее щеки, видимо, до нее запоздало дошел весь ужас происшедшего.

В сугробе обнаружились тела трех молодых людей, вернее, сначала идентифицировали возраст только двоих из трех убитых, так как у третьего, с украшенными татуировками кистями, начисто отсутствовала голова, срезанная точно

бритвой. Голова одного из целых покойников тоже держалась лишь на лоскуте кожи и части мышц и связок, а гортань и межпозвоночный хрящ были разрублены таким же хирургически выверенным ударом идеально острого орудия. Третий, лет четырнадцати-пятнадцати на вид, лежал ничком, скрючившись, со сквозной колото-резаной раной в спине. Снег под всей троицей на большом протяжении был насквозь пропитан кровью, вероятно, обильно хлеставшей из жутких ран, без всяких сомнений, изначально «не совместимых с жизнью»...

Все, что пенсионерка могла сказать, уже было занесено в протокол, а держать на морозе переволновавшуюся пожилую женщину Александров не счел гуманным. Отправив свидетельницу вместе с заочневшим пуделем домой под присмотром сержанта Аксакова, капитан направил усилия зябнувших подчиненных: лейтенанта Лукиченко, старшины Семенова и двух сержантов – старшего и младшего, фамилий которых не помнил, на поиск недостающей части татуированного трупа. Сомнительно, чтобы неизвестный убийца прихватил ее с собой в качестве невинного сувенира – в противном случае имелся бы не один, а три обезглавленных жмурика. Хотя...

В процессе поисков совершенно неожиданно обнаружился четвертый «подснежник», валявшийся лицом вниз в кустах метрах в тридцати пяти от основной группы. Судя по горбу темно-розового льда, он тоже был сражен ударом в

спину. Интересная какая последовательность: двух по горлышку, двух – в спину. Тенденция, однако...

Искомый предмет наконец нашелся еще дальше, в пятидесяти двух метрах с сантиметрами от своего бывшего хозяина. Похоже, что кто-то из спешивших утром на работу, не разобравшись в сумерках в истинной природе круглого обледеневшего предмета, лежавшего на дороге, футбольным приемом наподдал его ногой, а может быть, и не раз... Показать бы сейчас этому неведомому футболисту, что за мяч он пинал! Инфаркт не инфаркт, но за обморок капитан Александров мог ручаться на сто процентов.

Впрочем... Понаблюдав, как невозмутимый Лукиченко, установив вешку с номером на месте находки, короткими пасами щечкой ботинка невозмутимо перекачивает голову к трем трупам, Николай снизил ставку за обморок до пятидесяти процентов. Конечно, такие личности, как лейтенант, в обществе встречаются не часто, но...

Криминалист уже сделал необходимые снимки, взял пробы, констатировал невозможность какой-либо идентификации следов убийцы, затоптанных, казалось, стадом слонов. Труповозка стояла «под парами». Александрову оставалось только дать отмашку на погрузку «объектов», что он и сделал, к удовольствию амбалов в необъятных, когда-то белых халатах поверх телогреек, мерзнувших в древнем неотапливаемом «рафике».

Окинув взглядом панораму ночной трагедии и добавив в

протокол пару деталей, капитан уселся на переднее сиденье милицейского «уазика», в который уже набилась вся команда, аккуратно обил ногой об ногу снег с обуви и уже собрался захлопнуть дверцу, как раздалось:

– Э! Эй! Пойдите!..

К «уазику» стрелой мчался один из «морговских», причем свинячьи глазки его, ранее совершенно не просматривавшиеся на небритой физиономии цвета переспевшей клубники, выкатились на лоб, напоминая, ей-ей не вру, новенькие олимпийские рублевики...

– Там в кустах этот... – Насмерть перепуганный, отдувающийся санитар едва смог перевести дух. – Труп который... Живой он там, одним словом, товарищ капитан...

* * *

– Ну и?.. – подбодрил Каминский Александрова.

– А что «ну и»? Кошкин Павел Сергеевич, восемьдесят восьмого года рождения, учащийся седьмого класса средней школы номер шесть... Учащийся, надо сказать, плохо, едва-едва троечник. Ну там весь джентльменский набор: неполная семья – мать-одиночка, компания... Есть приводы в милицию, состоит на учете в детской комнате...

– А других опознали?

– Без особенных проблем – одна компания. Главный – тот, который без головы, – Сальников Сергей Николаевич, клич-

ка Серепан, восемьдесят четвертого года рождения, ранее судим по двести шестой ⁶ статье УК РСФСР... С перерезанным горлом – Корольков Олег Васильевич, учится... учился в СПТУ номер восемьдесят восемь, та же картина, что и у Кошкина, кличка Акула, не привлекался... Лаптев Евгений Александрович...

Подполковник слушал не перебивая, покачивая головой, то ли одобрительно, то ли рассеянно, думая о чем-то своем.

– Допросить пострадавшего Кошкина, конечно, не удалось... – констатировал он, когда Александров закончил.

– Да у него, Владислав Игоревич, – пожал плечами Николай, – кровопотеря обширная, обморожение... Если и выживет, красавцем точно не будет – несколько часов лицом в снегу... Он и жив-то чудом остался, товарищ подполковник. Судя по кровавому следу под снегом, он, видимо, полз метров пятнадцать, пока не уткнулся в кусты. Там пацана снегом и замело, а голова под ветками оказалась. И воздух какой-никакой, и надышал, в общем, не замерз... Да и вообще, везунчик он. В рубашке, можно сказать, родился. Мать его, Кошкина, Полина Ивановна...

– Она, что ли, сказала про рубашку?

– Да это выражение такое. Кошкина говорит, что с детства у Павлика была какая-то аномалия развития. Сердце смещено вроде бы...

– Справа, что ли?

⁶ 206 статья Уголовного кодекса РСФСР – хулиганство.

– Да нет, чуть-чуть смещено... Не на том месте, одним словом. А удар был направлен точно, в двух миллиметрах от сердца клинок прошел. Легкое, конечно, пробито, артерии там какие-то... Врач в своем заключении все подробно описал.

– Да это как раз и неинтересно... Значит, убийца был настолько уверен, что убил Кошкина, что даже не стал проверять? Судя по всему, он профессионал. Причем залетный... Что по оружию?

– Нож, клинок обоюдоострый, ромбического сечения, ширина клинка тридцать миллиметров, длина не менее двухсот пятидесяти—трехсот – грудная клетка Лаптева пробита насквозь... По первым прикидкам: нечто похожее на кинжал. Возможно, что-то из спецназовского снаряжения. Определенно не самоделка. Эксперт так и сказал, обследовав разрез. Чистота разреза – хирургическая. Как бритва!

– Спецназ... Полагаешь, афганец?

– Вполне возможно, товарищ подполковник.

– Ну-ну... В качестве версии может пройти. Ладно, свободен. Иди работай.

Когда Николай был уже в дверях, его остановил вопрос:

– А по наркоте рапорт написал?

– Не успел.

– Ну-ну... Свободен.

День пошел коту под хвост.

С порезанными парнями – дело глухое до упора. Конечно, дружков, одноклассников, у кого были, родителей опросили... Да, команда, похоже, занималась тривиальнейшим гопничеством по мелочи. Вытряхивала тощие кошельки у припозднившихся женщин, обирала школьников, приставала к гуляющим парочкам. Пяток—десяток потерпевших, подававших в последние месяцы заявления об ограблении на улице, с уверенностью опознали в предъявленных им (да не трупах, конечно, фотографиях из семейных альбомов), своих обидчиков. Без всякого сомнения, еще две-три недельки проказ, и сопляки угодили бы в теплые объятия закона, Сальников пошел бы по второй ходке, уже по взрослой статье и на всю катушку, Корольков, вероятно, тоже, если медики не признали бы его полным дебилом, что, судя по характеристике, подколотой к делу, нельзя было исключать, Лаптев и Кошкин поначалу отделались бы, скорее всего, условным сроком... Однако шайка (язык не поворачивается называть эту компанию бандой) пала жертвой своей наглости. Осознавать всю низость содеяного придется только младшему – Кошкину – да и то если выживет и не повредится от пережитого рассудком. Хотя врач санавиации, прибывший на вертолете, чтобы забрать пострадавшего в облцентр, уверял

в благополучном исходе. Посмотрим...

Настораживало то, что на месте преступления не было найдено не только следов (это как раз, принимая во внимание выпавший снег, неудивительно), но и любых предметов, принадлежавших пострадавшим. Ни документов, ни оружия, ни даже пачки из-под сигарет... А дружки Сальникова, например, утверждали, что он без ножа в кармане из дому не выходил, как и Корольков. Лаптев же недавно, со слов его сопливой подружки, изготовил в домашних условиях кастет, очень им гордился и постоянно перед ней хвастался. В двух случаях ограбления у жертв были зафиксированы следы ударов в область затылка тупым орудием, возможно кастетом, но нигде возле трупа Лаптя он обнаружен не был. Что же получается: убийца-профессионал скрупулезно обыскал свои жертвы и не побрезговал даже мелочами? Или он не профессионал? А орудие убийства? А мастерский бросок ножа, или что там у него, в спину убежавшего Кошкина, не дошедший до цели только по случайности? Ребус выходит... Может быть, все-таки афганец? Нужно будет нажать на председателя Хоревского общества воинов-интернационалистов...

Чтобы не оставлять машину у Жоркиного дома (в последний раз какая-то зараза все-таки сняла дворники!), Николай сначала заехал к себе, переоделся на всякий случай (а случаи бывают разные, господа гусары!), прихватил из хранившихся для такого случая запасов пузырь водки и направился

пешочком по знакомому маршруту.

И все-таки странновато получается: сначала объявляется какой-то странный Князь, связанный с наркотой, которого матерый уголовник (ну и что с того, что молодой) боится до такой степени, что не только убирает своего подельника, способного выдать Князя, но и сам на полном серьезе пытается покончить с собой. Затем того же Клеща (находящегося под охраной, между прочим) хладнокровнейшим образом «мочат» в больнице, а караульный потом вспоминает, что в палату заходил на минуту кто-то из врачей, но примет его припомнить никак не может. Так... Среднего роста, скорее ближе к высокому, худощавый, русые вроде бы волосы... Даже рост точно, орясина, назвать не смог: смотрел, дескать, снизу – подняться ему перед медиком было лень, понимаешь! В завершение всего кто-то неизвестный, но до предела профессиональный, хладнокровно, словно курят, режет четверых не самых хилых парней на том, видимо, месте, где они хотели потряхнуть его самого. Тенденция, однако, Николай Ильич! Зуб дать можно за то, что загадочный Князь, врач-убийца и головорез, мастерски владеющий ножом, – одно и то же лицо! Ну не могут в маленьком городке одновременно объявиться три неординарных преступника, не могут...

Последняя мысль относилась уже к тому моменту, когда капитан Александров, ворча сквозь зубы и в любой момент ожидая ощутить что-нибудь мерзкое и скользкое под подошвой ботинка, поднимался в Жоркину пещеру, придерживая в

кармане пальто холодную бутылку. Последние метры подъема оказались залитыми хлынувшим сверху светом, что позволило Николаю счастливо избежать «мины», предательски притаившейся прямо посредине предпоследней ступеньки.

— Ну где ты там? — нетерпеливо торопил Жорка друга, обходившего стороной коварную кучку. — Заждался уж...

— Я что тебе — с гулянки возвращаюсь? — огрызнулся Александров. — Что за спешка такая?

Жорка торопливо пропустил капитана в прихожую и захлопнул за ним дверь.

— А вот что...

На протянутой ладони Конькевича тускло поблескивала серебристая монета...

– Что, Алехина, пригорюнилась?

Лейтенант Лукиченко по-хозяйски развалился на стуле перед сумрачной Анютой, ссутулившейся на своей табуретке. В комнате, как обычно, не прибрано, поэтому хозяйка провела нежданного и незваного гостя в кухню, похоже бывшую в этой квартире всем – и столовой, и гостиной, и конференц-залом... Судя по пустой бутылке из-под водки у мусорного ведра под раковиной, нечесаным космам, падающим на лицо девчонки, выглядевшей сейчас на все сорок, если не больше, девица вчера щедро, по-русски, заливала горе по погибшему суженому.

– Чего, спрашиваю, такая смурная, а, Алехина? Сожителя своего оплакиваешь? Зря.

Девушка вопросительно подняла на милиционера пустые и мутноватые глаза. Лицо иссиня-бледное, мешки под глазами...

– Зря, говорю, оплакиваешь, Алехина! – жизнерадостно продолжил Лукиченко. – Сожитель твой, муж невенчаный-нерасписанный, и тебя бы, дуру, за собой утащил, кабы жив остался. А что ты думала? Соучастие в распространении наркотиков тебе вряд ли припаяли бы, а вот содержание притона – за милую душу. Не веришь? Вот, читаем... – Лейтенант извлек из папки тоненькую потрепанную книжечку

ку в серо-коричневом бумажном переплете и с первого раза открыл нужную страницу. – Вот, читаем... Статья двести двадцать шесть-прим: организация или содержание притонов для потребления наркотических средств или предоставление помещений для тех же целей – наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой. Скажешь, Клещ здесь с друзьями своими не кололся? Пятерик тебе светил, Алехина. И это – в лучшем случае. Правда, конфисковать у тебя особенно нечего...

Хозяйка сидела, уставившись в пол и снова закрыв испитое лицо волосами.

– А так – гуляй душа! Ну, пока следствие идет, под подпиской посидишь... Ты ж, Алехина, местная? Местная, спрашиваю?! – Жесткие пальцы милиционера ухватили Аню за подбородок, приподняли голову девчонки.

– Местная... – сквозь зубы выдавила она, ненавидяще глядя в глаза Лукиченко.

С каким удовольствием она сейчас запустила бы ногти в эти наглые, близко посаженные светлые зенки, так портящие в общем-то по-мужски симпатичное лицо мента...

Лейтенант, видимо, почувствовал негативный всплеск энергии, исходящей от этого звереныша, потому что убрал руку и опасливо отодвинулся подальше, к окну, прикинувшись, что просто захотел подышать воздухом из приоткрытой форточки.

– Ну и ладушки. Значит, и ездить тебе особенно некуда, Алехина. Ну а если надо будет куда... В Челябинск там или еще куда-нибудь: ты только мне скажи – я пособлю.

– Что-то вы, гражданин начальник, добренький чересчур, – снова опустив голову, пробубнила под нос Аня.

Запал мгновенной ненависти весь вышел, оставив только какую-то пустоту в груди, ставшую привычной после смерти Леши. Будто выпало оттуда что-то необходимое и нечем заполнить зияющую дыру. Лешик... Девчонка снова почувствовала, как к горлу подступают слезы, удивившие донельзя – казалось, еще вчера выплакала все и теперь внутри все сухо, будто в пустыне...

– Да не надо так официально, Алехина... Тебя ведь Аня зовут? Вот! – деланно обрадовался Лукиченко, увидев, как девица мотнула головой, что можно было равно принять как за согласие, так и за отрицание. – А меня – Виталий Сергеевич. Ты можешь просто Виталием звать, – расщедрился он. – Вот и познакомились!

Аня больше не могла сдерживать слезы. Она упала лицом на сгиб локтя и затряслась в рыданиях.

«Нет, так дело не пойдет! – решил про себя лейтенант, поднимаясь со стула и наливая из-под крана стакан воды. – В таком состоянии мне эту бл... не разговорить! Что ж, переходим к плану под номером два».

– Ну не плачь, не плачь! – Лукиченко, попытавшись насколько смог добавить в голос тепла, неловко погладил де-

вицу по голове, протягивая под вздрагивающие спутанные волосы стакан. – Ты водички вот выпей лучше. Успокойся.

Зубы Анюты, чуть помедлив, выбили громкую барабанную дробь по краю стакана.

«Как бы не отгрызла кусок, с нее станется! – опасливо подумал Лукиченко, потихоньку отбирая сосуд, в который девица намертво вцепилась обеими руками. – Попадет в больницу, отвечать за поганку мне придется!»

– Ну, успокоилась немножко? Вот и порядок!..

«Сейчас спросить? Нет, еще не дошла до кондиции...»

– У тебя закуска-то какая-нибудь есть, Аня?

Девица подняла голову:

– А что?

Лейтенант молча нагнулся, достал из спортивной сумки, стоящей у ножки стола, бутылку «Московской», принесенную с собой, и со стуком поставил ее на стол.

«Ишь, как глазки-то загорелись! – удовлетворенно подумал он, наблюдая за преобразившейся Алехиной. – Бл... она и есть бл...! Наверняка по материным стопам пойдет. Наследственность...»

* * *

Конечно, ничего особенного у Анюты, мигом окосевшей от водки, упавшей на старые дрожжи, вывести не удалось. Из ее слезливых, перемежаемых бурными рыданиями по

безвременно усопшему Лешику монологов удалось лишь вытянуть кое-какие черты портрета загадочного Князя, который с некоторых пор иногда появлялся то один, то со здоровенным гориллоподобным субъектом, откликающимся на кличку Колун (еще один, кстати, фигурант!), тот факт, что золото поступало именно от них в качестве оплаты за наркотики, которые они потом увозили неведомо куда, да еще наверняка неверный пересказ их с покойным Клещом разговоров, обрывочно слышанных, когда прислуживала за столом. Интересный получался типаж. Не встречалось такого в их краях, та еще, видно, птичка, залетная.. Да и Колун этот...

Выяснилось и еще кое-что интригующее...

Анюта заявила совершенно точно, что в последний раз Князь принес ровно пятьдесят штук золотых «червонцев», то есть десятирублевков. Они еще вместе с Лешиком их несколько раз пересчитывали, прежде чем спрятать в тайник, причем два золотых, именно два – свою обычную долю – Грушко припрятал получше. Помявшись, Алехина, видимо решившая окончательно и бесповоротно встать на путь исправления, ненадолго исчезла из кухни и, вернувшись, положила перед Лукиченко два блестящих желтых кругляка. Возможно, в так и не найденном тайнике оставалось и еще кое-что, но лейтенант решил пока не форсировать события.

– Молодец, Алехина, хвалю! Помощь следствию – дело благородное, – заявил Виталий, заворачивая монеты в кусочек фольги от плитки шоколада «Сказки Пушкина», предло-

женной в качестве закуски, и пряча в нагрудный карман, под пуговицу. – Я, Анюта, верю в то, что мы с тобой поладим!

На самом деле мысли его текли совсем в другом направлении.

Если первоначально было полсотни золотых, два «отслюнил» себе Клещ, а в описи изъятого при обыске значилось сорок семь, значит, где-то существует еще один неучтенный червонец... Стоп! Он же тогда, обрадованный находкой, высыпал пригоршню желтяков перед капитаном Александровым... Не притырил ли одну монетку этот сухарь и чистоплюй? На зубок, так сказать, а?..

– Слушай, Але... Аня! Ты после обыска тогда ничего в кухне не находила?

– Не-э...

Пьяненькие глазенки честные-честные, пустые-пустые...

– Ладно, верю.

Чего ей скрывать, когда она сама два золотых притащила, без какого-либо нажима? Похоже, правду говорит девчонка. А интересно, куда все-таки Клещ их тогда заховал так, что специалисты найти не смогли?

– Хорошо, Аня, я пойду... Ты тут допивай, доедай... Если что-то вспомнишь про Князя или он вдруг сам решит забежать на огонек, сразу мне отзовишься. Запомнила?

Девчонка согласно закивала. Ишь как глазки-то замаслились... А ведь граммов сто пятьдесят и приняла-то всего, да под закуску, хоть и не разносолы. Неужели она уже настоя-

щая алкоголичка?

– Про наш разговор – ни гу-гу! Кто бы ни спросил.

– А из милиции если?..

– Особенно если из милиции. Ни-ко-му! Поняла?

Анюта вышла из кухни следом за лейтенантом, провожая его до двери, но, минуя комнату с неубранной постелью, вдруг засмушалась, кинувшись наводить порядок. Лукиченко против своей воли остановился в дверях прихожей, залюбовавшись ладной фигуркой.

«А что, может быть, и верна прибаутка насчет некрасивых женщин и количества выпитой водки...»

Лейтенант, неторопливо подойдя к девушке сзади, ласково провел ладонью по узкой спине, обтянутой тонким ситцем халатика...

* * *

– С добрым утром! – радушное приветствие, даже сделанное самым любезным тоном, отнюдь, не обрадовало лейтенанта, едва разлепившего глаза. – Как вам спалось?

Пробуждение было ужасным. Самым чудовищным было не то, что он проснулся в чужой постели совершенно голым и в одиночестве, и даже не то, что на стуле, куда Виталий впопыхах покидал одежду, восседал, закинув ногу за ногу, приветливо улыбающийся во все тридцать два белоснежных зуба мужчина средних лет. Трагизм ситуации заключался в

том, что белозубый прищелец беззаботно поигрывал его, Лукиченко, табельным пистолетом, явно извлеченным из знакомой до последней царапинки кобуры, сиротливо валявшейся на полу...

– Не будем делать резких необдуманных движений, подпоручик ⁷, или какой у вас там чин... – Улыбчивый гость шутиливо покосился на милицейский погон с двумя серебряными звездочками, выглядывающий из-под скомканной форменной рубахи.

– Лейтенант, – совершенно автоматически поправил его Виталий, лихорадочно ища и не находя выход из создавшейся ситуации.

– О-о... Как на флоте ⁸... А я, милостивый государь, в бытность мою в ваших летах, уже носил чин штаб-ротмистра ⁹ лейб-гвардии Конного, ея императорского величества полка... – Видя полное обалдение на лице милиционера, он рассыпал коротенький смешок и продолжил: – Да, я не представился... Князь Георгий Викентьевич Кавардовский, к вашим услугам! – Мужчина вежливо склонил голову, украшенную идеальным пробором. – А вас, простите, как звать-величать?

– Князь? – как ужаленный подскочил на постели Луки-

⁷ На погонах подпоручика две звездочки, как и на погонах лейтенанта современной Российской армии и милиции.

⁸ В российском императорском флоте чин лейтенанта соответствовал чину поручика сухопутных войск.

⁹ Кавалерийский чин штаб-ротмистра соответствовал штабс-капитану в пехоте и артиллерии и капитану современной Российской армии.

ченко, не обращая никакого внимания на то, что пистолет своим непроницаемо-черным зрачком тут же уставился ему точно между глаз.

* * *

— Как видите, Виталий Сергеевич, я вам вполне доверяю! — Князь широким жестом, предварительно вложив в кобуру и тщательно застегнув кнопку, толкнул пистолет к руке его хозяина. — У нас с вами, надеюсь, теперь общие интересы, и мы должны верить друг другу...

«Ага, поверь тебе... — Лукиченко, уже полностью одетый, словно кролик с удава не сводил глаз со слегка изогнутого длинного кинжала с тускло-серым, прямо каким-то дымчатым клинком, не отбрасывающим бликов, воткнутого в столешницу у левого локтя назвавшегося князем Кавардовским господина. — Не этим ли перышком ты банду Серепана-то перерезал? Как курят почикал и глазом, поди, не моргнул...»

Конечно, словам Князя о его службе в лейб-гвардии, о княжеском титуле и прочей ерунде лейтенант не поверил. Не поймешь — то ли чистое вранье, то ли бред сумасшедшего, — но это явно тот самый Князь, без всякого сомнения, безжалостный преступник, менявший царское золото на среднеазиатский опиум-сырец, чем-то запугавший до полусмерти «отмороженного» Клеща, а потом и вообще свернувший ему голову, походя лишив жизни троих отпетых хулиганов, а

четвертого покалечив на всю жизнь... А сколько за ним еще, интересно знать, числится разных подвигов?

— Насколько я понимаю, ваша конкретная цель, господин подпоручик, или как вас там... лейтенант... заключается в поимке преступника, нашкодившего у вас тут... — Князь тонко улыбнулся при слове «нашкодившего». — Причем конкретная личность значения не имеет...

— Э-э... — попытался вставить Виталий, но Кавардовский его перебил жестким тоном:

— Никаких «э-э», милостивый государь. Не имеет. Моя же цель состоит в том, чтобы поскорее убраться отсюда, обзаведшись надежными... Повторяю: надежными документами и, естественно, некоторой толикой наличных средств в местной по возможности валюте... Вы меня правильно поняли? — Князь подбросил на ладони чуть слышно звякнувший паке-тик из фольги. — Вы тоже, мне показались, не бессребреник, а, подпоручик?..

— Это... Эти монеты изъяты в целях следствия, гражданин Кавардовский!..

Князь со вкусом расхохотался, откинувшись на спинку стула. Лукиченко, увы, такой возможности был лишен, восседая на табуретке, как давеча Алехина... Кстати, где же она?..

— Да полноте, господин Лукиченко! Мы же договаривались: никаких граждан. Это, знаете ли, отдает Великой французской революцией. Помните: Марат, Робеспьер, санкюло-

ты, якобинцы, Бастилия, гильотина... Как там ее прозвали, не помните? Кажется, «брита республики»?.. – Князь будто невзначай провел жестким ногтем по лезвию воткнутого в стол кинжала, запевшему от легкого прикосновения, как туго натянутая струна.

У Виталия от этого звука по спине побежали мурашки, и он непроизвольно втянул голову в плечи.

– Вы желаете знать, где милейшая Анюта, наша, так сказать, нимфа? – продолжил Кавардовский, задумчиво водя ногтем по поющему клинку. – Ее нет... Да не в этом смысле! – поправился он, заметив, как переменилось лицо лейтенанта. – Анюта побежала в ближайшую... хм... лечебницу, или как там сие богоугодное заведение у вас называется...

– Зачем? – опешил Виталий.

Кавардовский снова лучезарно улыбнулся и развел руками.

– Зафиксировать, если позволите, следы изнасилования и нанесенных побоев, милостивый государь... Вы же ее изнасиловали, милейший Виталий Сергеевич, не так ли? Причем самым зверским способом. В стиле незабвенного маркиза де Сада...

– Вранье! – запальчиво вскинулся Лукиченко.

Холеная рука Князя с красивым искристым камнем в перстне на безымянном пальце как-то незаметно скользнула на рукоятку кинжала.

– Я просил бы вас, господин Лукиченко, аккуратнее под-

бирать выражения. За такие слова, извините, бьют по мордасам-с и приглашают к барьеру!

– За базар ответишь, – себе под нос перевел на общепонятный язык лейтенант, опускаясь на табурет.

– Что-что? – весело переспросил Кавардовский, наклоняясь ближе.

Виталий коротко объяснил.

– Какая формулировка! – неподдельно восхитился Князь. – Вот видите: мы уже сотрудничаем! Я надеюсь и далее получать у вас уроки местной блатной музыки. Мои познания, боюсь, здесь окажутся совершенно непригодны... Но вернемся к нашим баранам, пардон, к милой Анечке и вашим с ней совершенно невинным забавам... Видите ли, подпоручик, – если разрешите, я буду вас так называть, это напоминает мне дни прекрасной и далекой гвардейской юности, – у Анюты случайно нашелся портативный фотографический аппарат, вот он... – Князь продемонстрировал обшарпанную «Вилию-Авто» без чехла. – И я рискнул позволить себе запечатлеть для истории несколько понравившихся мне особенно пикантных эпизодов ваших с ней, ха-ха, развлечений... Сидеть! – лениво, не повышая голоса, прикрикнул он на вскинувшегося было лейтенанта. По дороге в лечебное заведение она (по моей просьбе, естественно, занесла вынутую отсюда, – длинным ухоженным ногтем он ловко отщелкнул заднюю крышку фотоаппарата, – маленькую вещицу, здесь называемую почему-то кассетой, у нас она просто и без за-

тей именуется шпулей), по одному надежному адресу. Если мы с вами найдем общий язык, получившиеся фотографические снимки вместе с пленкой в вашем же присутствии будут уничтожены... Или... хм... переданы вам на память, чтобы долгими зимними вечерами на склоне лет вы, Виталий Сергеевич, вместе с Анютой могли посмеяться над зажигательными забавами юности. Не хотите? Ну, это ваше дело. Я бы сохранил на вашем месте. Если же, как это ни трагично звучит, мы разойдемся во мнениях... — Кавардовский выдержал длинную паузу, делая вид, что заинтересованно разглядывает что-то за окном...

«Схватить кобуру, выдернуть пистолет... — пронеслось в голове у Виталия. — Нет, не успею... Реакция у этого гада, похоже, как у кобры, а ладонь — на рукояти... Снесет башку на хрен этой „бритвой республики“...» Перед глазами реально, как на экране, встала картина двух обнаженных трупов, лежащих на цинковых столах в хоровском морге под мертвенным светом люминесцентных ламп, и третьего — поджидавшего своей очереди на голой морговской каталке...

— Объяснять не буду — вы сами все понимаете, подпоручик... — Не снимая лядони с кинжала, Князь близко-близко склонился к лейтенанту, заглядывая ему прямо в зрачки своими такими же холодными, как сталь клинка, дымчато-серыми глазами. — Пикантные фото плюс справка об извращенном изнасиловании... К тому же, как мне кажется, наша дриада не совсем достигла совершенных лет...

– Достигла, – буркнул Лукиченко, отодвигаясь от пристального взгляда. – Дриаде, к вашему сведению, уже двадцать два.

– Уже? – искренне, как показалось Виталию, изумился Кавардовский. – Все-таки соврала, чертовка! О, это вечное женское кокетство! Но роли это не играет. К тому же, как я теперь припоминаю, совершеннолетие у вас наступает на три года раньше, чем у нас.. Торопитесь жить, господа, торопитесь! Итак?..

– Я в общем согласен, – нехотя проговорил Лукиченко. – Но что конкретно от меня требуется? И главное: что мне со всего этого светит?

Князь, как показалось на миг, брезгливо поморщился:

– Это другой разговор, подпоручик! Итак, что вы будете иметь...

– Да что они тут все с ума посходили, что ли?!

Петр Андреевич на миг оторвался от книги, поглощаемой второй час запоем, в сердцах ударив кулаком с зажатым в нем надкушенным пирожком с капустой по столу.

Обиталище Чебрикова за прошедший день разительно изменилось к лучшему, вплотную приблизившись к понятию «жилище». Прикупив нехитрый инструмент, гвозди, кое-какие материалы в магазине скобяных изделий, здесь носящем иносказательное название «Хозяйственный», против ожидания, не пустовавшем, ротмистр, вспомнив дедовы уроки и нелегкие армейские будни, соорудил из пустых ящиков некоторое подобие табуреток, застелил газетами простаивавший ранее без дела кособокий стол, вставил стекла в два окна, законопатил совсем уж вопиющие дыры... Основным же приобретением явилась вполне сносная чугунная печурка с коленчатой трубой, благодаря какому-то непонятному непосвященным зигзагу логики аборигенов именовавшаяся буржуйкой. Какое отношение подобное чудо местной техники имело к французскому среднему классу буржуа, Петр Андреевич так и не понял, даже тщательно изучив инструкцию по применению сего агрегата, содержащуюся в бумажке, наклеенной на ржавое донышко. Согласно тому же документу, буржуйка официально именовалась: «Печь садовая

металлическая, ГОСТ 3574-75. Артель садовых инструментов, г.Копейск»... Столь вычурное название листочек бумаги нисколько не прояснил, зато теперь на печурке, в которой весело потрескивали березовые полешки, воровским образом добытые в роще за околицей (еще только лесников местных не хватало!), побулькивала в помятой алюминиевой кастрюльке (что в ней содержалось раньше, думать как-то не хотелось – слишком много времени ушло на приведение оной в божеский вид) картошка, а по комнате распространялось благословенное тепло, чего ротмистр никак не мог добиться от своего импровизированного очага, открытого всем сквознякам. Да и сгореть во сне теперь можно было не опасаться...

Не в силах противостоять гастрономическим соблазнам, Чебриков выгреб большую часть своих покупок на стол, сразу приобретший благодаря натюрморту, возникшему на нем, весьма импозантный вид, и, захлебываясь голодной слюной, приступил к священнодействию.

Когда физический голод был слегка приглушен и чувство самосохранения, выработанное годами службы, подсказало Петру Андреевичу, что на первый раз довольно насиловать свой желудок, отвыкший от такого изобилия, настала очередь утоления голода духовного, то есть книг, приобретенных, по сравнению с продуктами и инструментами, за сущие копейки.

Отпечатанную на той же дрянной серой бумаге, что и «Че-

лябинский рабочий», «Историю СССР» Чебриков начал читать с середины, пролистав наскоро все, начиная с эпохи палеолита и по самый период правления Елизаветы Петровны. Ничего нового для себя в перечислении имен князей и царей, триумфальных побед и сокрушительных поражений, многочисленных диких бунтов и кратких периодов процветания он там не встретил.

Расхождения начались с краткого упоминания о гибели в сороковых годах восемнадцатого столетия экспедиции Витуса Беринга, в знакомой с детства Петру Андреевичу истории не только выжившего, но и приведшего под скипетр императрицы изобильные всяческими богатствам и просторные Заокеанские Владения в Америке – Новую Россию, и тем снискавшего себе славу Колумба российского, воспетую гениальным Ломоносовым, и здесь, кстати, весьма уважаемым. Золотая лихорадка на обильных месторождениях бассейна реки Юкон вызвала настоящую миграцию европейских авантюристов через всю Сибирь, развившую этот край, остававшийся в этой России дикой и в большей части неосвоенной провинцией. Семилетняя война (в ходе которой здешняя Россия почему-то вернула Фридриху II Великому честно отвоеванную у того Восточную Пруссию), Война за независимость заокеанских владений Англии, французская революция и Наполеоновские войны отличались мало, но вот уже Революция 1848—1849 годов, охватившая здесь всю Европу, в России Чебрикова носила характер местных выступле-

ний, никоим образом не способных привести к падению тронов и националистическому движению. Видимо, та же золотая лихорадка значительно снизила в Европе число прохиндеев и вольнодумцев, переместившихся вслед за благородным металлом в иную часть света. Далее пути двух Российских Империй расходились все дальше и дальше...

В 1867 году «потусторонний» император Александр II, как и в знакомом мире, носивший эпитет Освободитель, за гроши продал, практически подарил, Русскую Америку Северо-Американским Соединенным Штатам, вместо того чтобы прирастить Империю бесхозными тогда землями в нынешней Мексике и Южной Африке.

В этом мире Россия, за исключением Крымской войны, известной Чебрикову под названием Восточная, постоянно союзничала и с Великобританией, и с Францией, что привело ее в конце концов к столкновению с вечной союзницей (в мире Чебрикова) Германией в 1914 году, при правлении сына Александра III Николая, своей недалёковидной политикой (в книге он вообще представал клиническим идиотом, слушающимся во всем свою супругу-немку, отличавшуюся истерическим складом характера, да какого-то полоумного «старца» Распутина) приведшего страну к революции 1905 года, названной буржуазной, и к окончательному краху в 1917-м.

Выяснил Петр Андреевич и личность загадочного лысого Ленина, портреты которого украшали здесь все и вся

— от стен домов до денежных знаков. Оказывается, этот псевдоним принял симбирский дворянин, сын инспектора народных училищ и брат одного из участников заговора против жизни императора Александра III, ставший лидером одной из деструктивных «рабочих» партий, принявшей в качестве программы идеи немецкого экономиста Маркса и прочих мечтателей-утопистов. Воспользовавшись слабостью правящего императора, всеобщим разбродом умов, затяжной, малопопулярной в народе войной и некоторыми другими факторами типа кулуарной борьбы различных политико-экономических группировок за власть, большевики, как они сами себя называли (Чебриков как-то пропустил показавшуюся ему скучной историю их размежевания с меньшевиками, описанную в книге очень подробно), совершили переворот, вылившийся в многолетнюю гражданскую войну, истребление или изгнание из страны всей без исключений аристократии, причем даже той ее малой части, которая поддержала перемены, и почти всей интеллигенции, миллионы жертв среди ни в чем не повинных обывателей, разрушение частного предпринимательства, распад самой державы...

За скупыми бесстрастными строчками со страниц книги перед Петром Андреевичем вставали кровь и разрушение, варварски затапываемая в грязь культура и славная история великой страны... Рушились во прах величественные церкви, и возносились монументы во славу какой-то малопонятной народу мировой революции, брат шел на брата, заливая

родной кровью родную землю и сея в нее зубы дракона...

Граф временами швырял книгу на стол и бегал из угла в угол, отказываясь верить в реальность фантастического бреда, преподносимого ему сухим канцелярским языком, но любопытство снова и снова пересиливало раздражение.

На смену шизофреническим экспериментам адептов мировой революции пришел трезвый расчет диктатора с удачным псевдонимом Сталин, заново начавшего собирание империи, возрождение промышленности, иерархических отношений в обществе... Странно, но именно положительные для любой державы шаги в данной книге встречались в штыки, в противовес восторгам самоубийственными телодвижениями революционеров... И снова война, снова с Германией, со своей стороны пытавшейся возродиться в качестве великой державы после поражения в предыдущей войне, снова большая кровь, миллионы жертв, страна на грани гибели, возвышение заокеанских хищников, награвших на этом адском костре агонизирующей старушки-Европы свои жадные руки...

Не выдержав всего этого абсурда, ротмистр с силой запустил ни в чем не повинной книгой в стену и рухнул за стол, до боли сжав руками виски. Неужели это не сон? Неужели его, графа Чебрикова, сына, внука и правнука русских дворян, не жалевших своей жизни ради Империи, самого не раз щедро окропившего своей «голубой» кровью ее славный путь, уго-раздило попасть именно в этот сумасшедший мир? Не к лю-

доедам каким-нибудь с Соломоновых островов, не к непонятным гуманоидам с далеких звезд, не в загадочную, в конце концов, даль, туманно описываемую модными господами-литераторами, а именно в Россию, в родную страну, только уродливо вывернутую наизнанку, искаженную, словно в кривом зеркале из пошлого балагана.

Из ступора ротмистра вывел только запах горелого. Вода в кастрюльке на буржуйке выкипела вся, и картошка, естественно, пригорела. А-а, черт с ней, сойдет и такая...

Нарезая толстыми ломтями ноздреватый хлеб, серый и клейкий, ротмистр вспомнил о бутылке водки, купленной у пролетария, которого он теперь знал, как правильно назвать, и выставленной на холод. Слава тебе, Господи, и тебе спасибо, гегемон! Водка – вот лучшее из лекарств для страдающей русской души!

Через полчаса почти все горести и открытия минувших дней незаметно отодвинулись в какую-то легкую дымку, сделавшись полупрозрачными и совсем непугающими. Водка оказалась паршивой, гораздо хуже той «огненной воды», кукурузного самогона, называемого аборигенами «виски», который доводилось пивать за океаном, но забирала хорошо, отлично справляясь со своим основным предназначением, разом и оглушая, и стирая память.

Последнее, что Чебриков запомнил довольно четко, был давно ожидаемый, но сегодня все-таки состоявшийся визит здоровенного серо-черного пушистого кота, приметного на-

половину отсутствующим левым ухом, с высоким процентом вероятности, того самого кошачьего Шалапина, вернее, судя по вполне бандитскому виду, помеси великого российского оперного баса с Франсуа Вийоном – средневековым парижским поэтом-уголовником... Пушистый певец привидением возник на пороге чебриковской хибары, непонятно как отворив тугую дверь, когда водка уже подходила к концу. От предложенной «огненной влаги» абориген вежливо, но решительно отказался, молча разинув пасть с солидными клыками. Та же участь ждала и пирожки. Из всей снеди по вкусу пришлась гостю только большая ложка сметаны, действительно великолепной, с галантными извинениями за неимением под рукой чистого блюдечка (да и вообще, за полным его неимением!) вываленная прямо на стол.

* * *

– Время на подготовку ответа истекло, господин Чебриков! Пожалуйста к столу.

Руки немного дрожат. Это от волнения, нормально. Вроде бы все записано, все события и даты расставлены правильно... Все равно страшновато.

– Ну что же вы, Петр Андреевич?

Эх, была не была! Чебриков поднимается из-за стола и по пологому пандусу между рядами скамей, позванивая шпорами, спускается вниз, к экзаменаторам.

– Ротмистр Чебриков, Петр Андреевич... граф.

Экзаменаторы, все четверо, весело переглядываются, кто деликатно пряча усмешку, а кто внаглую, растягивая рот до ушей, шепчутся.

– Это обстоятельство, знаете ли, нас не очень волнует, господин Чебриков, – наконец замечает, встряхнув кудрями, старший из строгих судей, пышноволосяй брюнет в пенсне и с чеховской бородкой. – Мы, поверьте, как-то выше сословных предрассудков. Итак, – помолчав и дав Чебрикову в полной мере осознать свой ляп, продолжил он. – Хотелось бы для начала узнать номер вашего экзаменационного билета, господин Чебриков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.